

Слово к читателям. 3
М. Каменкович. О переводе первого тома «The History of Middle-Earth» силами содружества ТТТ 4
Марк Хукер. Лингвистический пейзаж Брийской округи . . 6
Хельги Фаускангер. Вестрон - Всеобщий язык. (перевел Drauger) 10
Т. Шиппи. Дорога в Средьземелье. (перевод Марии Каменкович) 17

На последней странице - рисунок Моргул “Старая Ива”.

Palantir®

ПАЛАНТИР

N 31 2002

ЖУРНАЛ
ТОЛКИНОВСКОГО ОБЩЕСТВА
САНКТ-ПЕТЕРБУРГА

Этот номер для вас делали:
Аратанве Эондил, Золтан Бардинг, Моргул, Флорин Эйкинсьялди

Наш адрес: 191186 Миллионная 15-13
E-mail: zoltan@tolkien.ru eondil@mail.ru 2:5030/1171.35@FidoNet

Наш сайт: <http://tolkien.by.ru>

Copyright ©2002, Толкиновское Общество СПб
Права на все опубликованные материалы сохраняются за авторами. Перепечатка любых публикаций и их частей без разрешения Толкиновского Общества запрещена. Рукописи не рецензируются и не возвращаются.

Издание журнала не преследует коммерческих целей.

Редакция благодарит автора использованных в издании шрифтов Tengwar Quenya и Tengwar Sindarin Дэниела Стивена Смита.

Пять лет назад, весной, вышел в свет первый номер Палантира. Его мы делали очень долго, стараясь, чтобы он был именно таким, как нам хотелось бы. Мы искали возможности делать по-настоящему толкиновский журнал, невзирая на то, что полагаются пришлось только на собственные силы и средства. Шло время, наше любимое детище росло (как правило в толщину), развивалось, изменялось, тем не менее придерживаясь избранного с самого начала направления. И к нашей большой радости у журнала есть свои постоянные читатели и все время появляются новые из самых разных уголков страны и зарубежья. И прекрасно, что все время появляются новые интересные материалы – значит прекрасный мир Толкина продолжает вдохновлять на труды и творчество. Мы же всегда с удовольствием постараемся познакомить с ними всех, кого манят дороги Средиземья.

Редакция –
Золтан Бардинг, Моргул, Аратанвэ Эондил.

О переводе первого тома «The History of Middle-Earth» серии сотрудничества ТТТ

Перевод первого тома серии «The History of Middle-Earth» (черновики Дж.Р.Р.Толкина и незаконченных произведений, обнаруженных в его архиве после смерти писателя, изданных, в сопровождении исчерпывающих текстологических комментариев, его сыном Кристофером Толкином), осуществленный неформальным творческим объединением «TolkienTextTranslations» – группой филологов и переводчиков, представляет собой фундаментальную, высоко компетентную работу, выполненную с истинным уважением к Толкину и его текстам. Известно, что Толкин был перфекционистом и во всем, в том числе и в малейших деталях, стремился достичь наивысшей возможной степени совершенства (что, среди прочего, помешало ему закончить и подготовить к печати «Сильмариллион»). Кроме того, Толкин, будучи филологом *par excellence*, то есть – до кончиков ногтей, крайне остро реагировал на чисто филологические неточности в интерпретациях его текстов; с точки зрения непосвященного читателя эти неточности кажутся малозначительными, но в глазах Толкина они выросли до размеров катастрофы. Когда некий критик по памяти написал имя Gandalf как Gandolph, Толкин не просто счел нужным его поправить, но пришел в ярость: во-первых, откуда взялось *ph*, указывающее на латинское происхождение слова? А, во-вторых, окончание *-olph* неизбежно вызывает итальянские ассоциации (Гандольф – имя, упомянутое Браунингом в стихотворении на итальянскую тему), что в глазах Толкина было непросительным криминалом – он не любил Юга, и средиземноморские культуры вызвали у него отторжение. Я полагаю, что переводом, сделанным ТТТ, Толкин остался бы доволен (за исключением одной мелочи, вынесенной, впрочем, на титульный лист: для слова «Middle-Earth» – входящего, между прочим, в название серии! – был выбран перевод «Средиземье», вызывающий именно те самые нежелательные «средиземноморские» ассоциации и, к тому же, неверный по существу (Middle-Earth отнюдь не располагается в центре неких земель! С точки зрения как звучания, так и смысла этот перевод – наименее удачный из всех существующих и хорош только тем, что именно его выбрали для русской версии фильма по «Властелину Колец»). Впрочем, это – критерий совсем из другой области!).

Нельзя не приветствовать строгий научный подход переводчиков к транслитерации эльфийских слов. Без разработки последовательной и аргументированной методологии для этой процедуры перевод «The History of Middle-Earth» был бы невозможен. До знакомства с грандиозной работой, предпринятой группой ТТТ, я была убеждена, что он так и останется неосуществленным, поскольку, судя по общей обстановке и накалу никак не относящихся к делу страстей на арене российского толкинизма, ничто не предвещало появления трезвых, объективных и, главное, неангажированных специалистов, которые только и могли бы взяться за этот труд и которые каким-то чудом все же откуда-то взялись – в лице группы ТТТ. Вернусь к эльфийским словам: совершенно очевидно, что на основе, например, той методологии, которую применяли для транслитерации мы в нашем переводе «Властелина Колец», перевод «The History of Middle-Earth» был бы невозможен, поскольку наш метод был изначально компромиссным – мы пытались одновременно соблюсти невинность и приобрести капитал, то есть, дать относительно правильный вариант транслитерации, но при этом по возможности приспособить эльфийские имена и названия к литературным нормам русского языка. Так, в конце имени «Галадриэль» мы ставили мягкий знак, не только потому, что в Квэнии «л» после «э» смягчается, но и потому, что Галадриэль – как-никак женское имя. При этом какое-нибудь имя вроде «Аратаниэль», – надо думать, не случайно напоминающее имена библейских ангелов – оставалось нами без мягкого знака. Valar вне корпуса приложений переводились нами как Валары – для

создания иллюзии «нормального» русского множественного числа. И так далее, и тому подобное. Но подобный подход уже к середине первого тома «The History of Middle-Earth» завел бы переводчика в тупик, поскольку изначально заложенная в метод ошибка, разумеется, нарастала бы, как снежный ком. Метод же, избранный ТТТ – основанный на принципах абсолютной точности и академичности – надежно защищает их от любых проблем, которые могли бы возникнуть в будущем. И метод этот не только заявлен, но и последовательно проведен в жизнь: скрупулезность и профессиональность перевода выше всяких похвал, его формальная сторона (система ссылок, сносок, оговорок) безупречна, оформление – идеально.

Однако все, сказанное выше об академическом, строгом характере перевода отнюдь не означает, что в переводе ТТТ литературная сторона осталась в небрежении. «The History of Middle-Earth» содержит множество литературных фрагментов разного достоинства, причем перевод большинства из них, с их архаической и торжественной лексикой и стилистикой, представляет собой не самую простую задачу для переводчика. К счастью, переводчикам удалось и сохранить дух этих текстов, и выработать адекватный стиль, не слишком перегруженный и свободный от попыток модернизации и прочего «оживляжа», в среде российских толкинистов весьма распространенного, а зачастую и агрессивно навязываемого. Еще прогневостнее выглядит избранная некоторыми переводчиками (в наивысшей степени – Волковским) эклектическая смесь современного жаргона, архаики и псевдонародной речи. Стиль переводов, осуществленных ТТТ, сдержан, благороден и выдержан в едином духе. Относится это и к переводу стихов, сделанных одной переводчицей – А. Дубининой. Если бы я стала оценивать эти переводы по десятибалльной шкале, я бы поставила им, правда, не десятку, а девятку – из-за слишком часто встречающихся бедных или неточных рифм и – иногда – неоправданных переносов ударений (в балладе о Человеке с Луны – «кашица»). Впрочем, я не буду бросать камень в эти переводы, поскольку сегодня, по прошествии времени со времени выхода в свет нашего перевода «Властелина Колец», многие стихотворные переводы стихов Толкина, сделанные нашей командой, мне лично хотелось бы радикально переработать.

Резюме: присутствие в российском книжном пространстве точного, академического, неангажированного перевода первого (а заявлен и второй!) тома серии «The History of Middle-Earth» полезно не только тем, что спасает пошатнувшуюся репутацию российских толкинистов на международной, так сказать, арене. Главное – то, что этот перевод наконец-то устанавливает в переполненном дилетантами и любителями пространстве российского толкинизма высокую планку подлинной профессиональности и тем самым автоматически превращается в структурирующую ось, по отношению к которой отныне будут определяться достоинства и особенности всех существующих переводов «Властелин Колец» и «Сильмариллиона». Кристаллизация вокруг этой эталонной оси всех существующих в российском толкинистическом пространстве хаотических потоков позволит говорить о культуре российского толкинизма и оттеснит анархию и не признающее над собой никакого авторитета воинствующее варварство далеко за пределы освещенного круга. Парадокс в том, что, возможно, варвары, о которых идет речь, могут этого не заметить (или притвориться, что не заметили). Тогда, будем надеяться, со временем появится корпус текстов – литературно-критических, научных – где все наконец встанет на свои места. Без перевода «The History of Middle-Earth» это было бы невозможно: отсутствие эталона означает отсутствие каких бы то ни было границ и критериев, и, соответственно, свободу высказывания для любых, даже максимально некомпетентных, ораторов. Российская толкинистика обрела стеновой хребет, а какое это имеет значение для эволюции видов от состояния медузообразности к высшим формам животного мира, не говоря уже о Гомо Сапиенс – объяснять не нужно (даже если Дарвин ошибался и виды не происходят друг от друга, а сотворены индивидуально, причем не в результате слепой игры причинно-следственных связей и не по прихоти стихий, которые даже и в прихотях своих, как учит нас физика, строго следуют ее законам, а – руками и разумом Высших творцов, подчиненных Единому Творцу – тем более что в «Сильмариллионе» изложена именно вторая точка зрения).

Марк Хукер

Лингвистический пейзаж Брийдской округи

Бри (Bree), село, в котором жили как люди, так и хоббиты, располагалось у перекрестка Великого Восточного тракта и Северного тракта. Оно устроилось у подножия Брийдского холма (Bree-hill) и было главным селением Брийдской округи (Bree-Land), состоявшей из деревень Арчет (Archet), Бри (Bree), Комб (Combe) и Стэдл¹ (Staddle).

Название *Брийдский холм* — одна из толкиновских филологических шуточек, оценить которую может лишь лингвист. Это то, что в топонимике обозначается термином «тавтология», — двуязычное географическое название, на обоих своих языках воспроизводящее одно значение. Толкин сам отмечал это в «Номенклатуре» (ТС², с. 168—216), где он особо ссылается на топоним *Брилл* (Brill, к северо-западу от Оксфорда; карту см. на <http://www.multimap.com>, введя в поле «Find» искомое название), состоящий из элементов *Бри* (Bree, валлийск.) и *Хилл* (Hill, англ.) (ТС, с. 190). Конструкции такого рода обнаруживаются по всему лингвистическому пейзажу Англии. Есть, например, еще один Брилл в Корнуолле (между Хелстоном (Helston) и Фалмутом (Falmouth)). Ту же конструкцию можно усмотреть в топонимах *Брийдон* (Breedon) и *Бридон* (Bredon), которые также содержат по два элемента, означающих «холм»: валлийское *bre* и древнеанглийское *don*. Название *Бридонский Холм* (Bredon Hill, на север-северо-восток от Бридона) заходит еще дальше, состоя из трех элементов со значением «холм».

Тавтология, проявляющаяся у Толкина в топониме *Брийдский холм*, присутствует и в его названии для леса по соседству с Бри: *Четвуд* (Chetwood). На древнекельтском *chet* означает *лес*. На картах реального мира такая тавтологическая конструкция обнаруживается в названиях *Четвуд* (Chetwode, к юго-западу от Букингема) и *Чьютский лес* (Chute Forest) в Уилтшире. Элемент *chet* также имеется в названии одной из деревень Брийдской округи — Арчета. Приставку *Ар-*, присутствующую в названии Арчета, можно найти в ряде валлийских топонимов, где она означает «рядом» или «у». Следовательно, толкиновский топоним означает «рядом с лесом», или «у леса», что точно соответствует описанию расположения Арчета в Брийдской округе: «на опушке Четвуда» (I, с. 205). Ср. валлийское название Аргозд [Argoed в Уэльсе, буквально: «у леса»]; *coed* означает «лес».

В толкиновском названии *Комб* можно видеть сходную тавтологию, связанную с положением этой деревушки. Согласно толкиновскому описанию Брийдской округи, Комб располагается «в глубокой долине» (I, с. 205). Древнекельтское *kumb*, означающее долину (ср. валлийское *swm* [кум], что значит «ложбина, впадина») использовалось настолько широко, что было заимствовано староанглийским в форме *cumb* и породило многочисленные топонимы на основе этого корня, такие как *Комб* (Combe, в Оксфордшире, Повисе (Powys) и Западном Беркшире), *Кумб* (Coomb, в Корнуолле и Девоне), *Комбвич* (Combwich, на север-северо-запад от Бриджуотера, произошло от комбинации древнеанглийских *cumb* и *wic*, означающей «жилище или деревушка в долине»), *Комптон* (Compton, в Девоне, Хэмпшире, Суррее, Западном Беркшире и Западном Суссексе, от древнеанглийских *comb* + *ton*, что дает значение «селение в долине»). У Толкина тот же процесс, который перенес кельтский *кумб* в древнеанглийский язык, проявляется в роханском (англосаксонском) названии *Deeping Coomb* (Ущельный излог³), долины перед входом в Хельмово ущелье

(Helm's Deep).

С лингвистической точки зрения, Стэдл — четвертый лишний в Брийской округе. Арчет, Бри и Комб объединены кельтской родословной, в то время как Стэдл — германских корней. Этого следовало ожидать, поскольку Брийская округа — пограничье, населенное как хоббитами, так и людьми. Следовательно, вполне логично, чтобы топонимы округа демонстрировали аналогичное смешение. Такого рода лингвистический коктейль, в конце концов, лишь отражение топонимической карты Англии, где кельтские, германские, латинские и норманнские корни усеивают ландшафт, отражая историю пришествий и уходов тех народов, которые говорили на этих языках. Стратфорд — «брод» (ford, древнеангл.) на римском тракте (stratum, лат.) — находится на берегах Эйвона (валлийск.). Бьюдли (Bewdley) — искаженное французское *beau lieu*, что значит «прекрасное местечко», — расположен в Вустершире на окраине того, что некогда было великим Вайрским лесом (Wyre Forest, валлийск.), на берегах Северна (докельтск.).

Стэдл обнаруживается в британской топонимике в виде Стэдл Бриджа (Staddle Bridge [мост]) на севере Йоркшира, а также в названии *Стэдлторп* (Staddlethorpe, в Восточном райдинге Йоркшира, близ Гуля (Goole)). Топонимический элемент *thorpe* очень редок в древнеанглийском, и названия с таким окончанием почти всегда древнескандинавского происхождения. Его след можно усмотреть в современных голландском и немецком словах, означающих «деревня» — *dorp* и *Dorf* соответственно. Комбинация этого элемента со *staddle* подчеркивает германские корни Стэдла.

Стэдл можно обнаружить и в архитектурном лексиконе, где *staddle stone* — это каменный шпенек в форме гриба, используемый, чтобы приподнимать основание амбара, сарая и тому подобных сооружений над землей для защиты хранимого там зерна и сена от грызунов. Амбар на таких шпеньках выглядит поставленным на сваи (см. изображение на http://members.tripod.com/Chris_Breeze/favourable/barn.htm). Понятие «Амбар-на-Шпеньках» настолько вросло в лингвистический пейзаж, что в адресе археологического управления Дэнбери Траст (The Danbery Trust) в Чолдертоне (Cholderton) вместо улицы и номера дома достаточно указать: Staddle Barn. В современном немецком языке *штадель* (*Stadel*) — диалектное слово, означающее «амбар».

Стэдл был населен, главным образом, хоббитами (I. 206). Если это название дали они, то Стэдл должен быть не единственным представителем этой лингвистической семьи хоббитского диалекта вестрона. Толкин отмечает приверженность хоббитов к «собственным старинным местным названиям, по-видимому, перенятым в древности у людей, населявших долины Андуина» (III, с. 483⁴). Изначально языком хоббитов «был, очевидно, человеческий язык, распространенный в верховьях Андуина и родственный языку рохиррим» (III, с. 509). Когда хоббиты слышали речь рохиррим, они понимали многие слова и чувствовали, что их языки сходны (III, с. 517). Роханский язык — и, следовательно, топоним *Стэдл* — должен был тогда восприниматься несколько «онемеченным», поскольку Толкин произвел его из англосаксонского, отметив, что англосаксонский язык — это «единственный источник, где следует разыскивать происхождение и значение слов и названий» в языке рохиррим (*Письма*, с. 381).

Однако лингвистическая граница между «германской» и «кельтской» культурами, проходящая через Бри, соответствует не разделу между культурами хоббитов и людей, а, скорее, различию между северянами и южанами, будь то люди или хоббиты. Архаичный язык южных Дубсов (Stoors) и людей Бри, проявляющийся в «переводе» Алой Книги Западных Пределов обычными в Англии кельтскими элементами, такими как *бри* и *чет* (III, с. 516), представляет культуру южан. Другим примером служит форма почтительного обращения к тому главе семейства Старобэков (Oldbucks), который начал сооружать Брендивинские палаты (Brandy Hall) и сменил фамилию на Брендибэка (Brandybuck). Его называли Горхендад (Gorhendad; I, с. 141 и III, с. 476). Этот титул на современном валлийском означает просто «прадед». С другой стороны, хоббиты

Стэдла, которые «заявляли, что их поселение — древнейшее поселение хоббитов в мире» (I, с. 206), — это представители двух других хоббитских племен, чьи пути из «долин в верховьях Андуина, меж опушками Великого Зеленолесья и Мглистыми горами (I, с. 21)» не заводили их в южные края, в которых, прежде чем двинуться вновь на север, побывали Дубсы (I, с. 22). Название *Шир* отражает их происхождение, восходя к *скиру* (scir) — англосаксонской административно-территориальной единице, которая управлялась *скир-герэфом* (scir-gerefa) [Шир-рив (Shir-reeve), впоследствии Шериф (Sheriff)]. Выбирая название *Стэдл*, Толкин добавлял глубины и реализма своему лингвистическому полотну. Без этого лингвистический пейзаж его мира был бы плоским.

В одном из писем Толкин отмечал, что изобретение топонимов было для него делом интимным, и они отвечают, прежде всего, его личным лингвистическим вкусам. «Источник, если таковой был — писал Толкин, — предоставлял исключительно последовательность звуков (или намеки, подталкивающие к ней), смысл которой в контексте источника абсолютно несуществен» (*Письма*, с. 380). Мне очень близко это указание, поскольку я тоже играю со словами в игры, в которых звуковое облачение слегка измененного слова или фразы предлагает невероятное и потому смешное значение. Например, в мои студенческие годы, когда я учился русскому, мы превращали предупреждение телефонистки «ваше время истекло» в грамматически абсурдное «ваше время из стекло». Для не владеющих русским языком можно привести прекрасный пример из знаменитого скетча Виктора Борге «Инфляция языка», в котором из-за инфляции английское слово «перед» *before* [be-4] становится *be-five* [be-5]. По-русски это звучало бы приблизительно как *опять* [o-5], переходящее в *о-шесть*, или же *едва* [e-2], превращающееся в *е-три*.

Тем не менее, искушение поискать параллели с реальной картой Англии оказывается непреодолимым.

В Англии несколько Брийдонов (Breedon) и лишь один Бридон (Bredon). Последний прославлен Альфредом Эдвардом Хаусманом (Housman, 1859—1936) в его стихотворении «Парень из Шропшира» («A Shropshire Lad»). Существует даже фарфоровый сервиз «Бридонский холм», производства «Ройял Доултон Чайна» (Royal Doulton China). Бридон и Бридонский холм расположены в Ившемской долине (Vale of Evesham, карту см. по вышеприведенному линку). Подозрительно толкиновский Бридон находится в Вустершире, к северо-западу от Оксфорда. Долина обрамлена Малвернскими холмами (Malvern Hills, высота до 440 м) и Котсуолдскими холмами (Cotswold Hills, наивысшая точка чуть более 300 м) и пересекается надвое рекой Северн. Вьющийся по лесистой Ившемской долине Эйвон в конце концов впадает в Северн. Места эти прекрасны и живописны. Графство граничит с Глостерширом на юге, Херефордширом на западе, Уорикширом на востоке, а на севере — со Стаффордширом, центральными графствами и хаусмановским Шропширом. Холмистая, покрытая лесами область на северо-западе — это остатки могучего Вайрского леса, некогда простиравшегося от Вустера до Бристольского залива.

Бридонский Холм (311 м высотой), вблизи юго-западной границы графства, окружен несколькими деревеньками с названиями, вызывающими толкиновские ассоциации, в том числе:

— Эштон-под-Холмом (Ashton under Hill, к юго-востоку от Бридонского Холма, в направлении примерно на 4 часа), носящий отчетливо толкиновский отзвук дорожного псевдонима, которым Фродо назвался в Бри,

— Большой Комбертон (Great Comberton, примерно на 11 часов) и Малый Комбертон (Little Comberton, примерно на 12 часов), которые подозрительно напоминают толкиновский Комб в Брийской округе, так же, как Бри(дон) напоминает Бри,

— Бридон (Bredon, примерно на 8 часов), деревня на Эйвоне с запрудой у мельницы, амбаром для церковной десятины (41 м длиной), и, конечно, пабом, который, к сожалению, именуется «Лиса и гончие».

Еще одно обстоятельство, делающее данный Бри(дон) особенно толкиновским местом, — наличие деревни Першор (Pershore) в конце Ившемской долины, к северу от Бридонского Холма. Першор играет важную роль в том недоразумении в «Роверандоме», которое сбивает Старого Аргаксеркса с дороги назад в Персию, так что в конце концов пути, его и песика — героя истории, — пересекаются. Если Толкин знал о Першоре, то знал и о Бридоне.

Долина Эйвона с середины семнадцатого века стала центром табаководства. Своим табаком славились Экинтон (Eckington), Пеншем (Pensham) и Аптон Снодсбери (Upton Snodsbury) — подробности, вызывающая для этой местности толкиновские ассоциации, ибо в прологе к «Властелину Колец» Мериадок Брендибэк рассуждает о том, что Тобольд Дудельщик из южнопредельского Долгодола (Longbottom), который первым стал выращивать трубочное зелье на своем огороде, вывез его из Бри, где оно, так или иначе, произрастало на южных склонах Брийского холма (I, с. 28—29). Ившемская долина благоприятна для земледелия, поскольку занимает пятачок, обогреваемый теплом Гольфстрима, которое направляется в долины Северна и Эйвона обрамляющими их холмами. Это точно соответствует толкиновскому описанию мест, где трубочное зелье росло лучше всего: «Оно процветает лишь в теплых укромных местах вроде Долгодола» (I, с. 29).

Как будто этого мало, к востоку от Бридонского холма находится Дол (The Dingle, направление примерно на 3 часа). Эту деталь топографии можно углядеть только на карте масштаба 1:25 000, благодаря чему она в какой-то степени является скрытой — характеристика, приводящая на память Онтомолвище в Тайнодоле (Dern Dingle [скрытая, глубокая (загнетенная деревьями) лощина (ТС, с. 194)]).

Бридон расположен у перекрестка шоссе М5 (север—юг) и М50 (восток—запад), однако Толкин вряд ли имел это в виду, помещая Бри на перекресток Великого Восточного тракта и Северного тракта: эти (печально) знаменитые шоссе «М» слишком современны. Более вероятно, что он размышлял о временах Средневековья, когда через Ившем проходил один из торных путей в Уэльс. Читатель с современной картой и желанием попасть в Уэльс из Ившема может следовать по шоссе М50 на запад, пока оно не превратится в шоссе А40 непосредственно перед тем как пересечь границу Уэльса. И обратно, это та дорога, которой должны были бы двигаться хоббиты по пути в Бри. Гипотеза интригующая, и определенно требующая развить ее, — но это уже другая история.

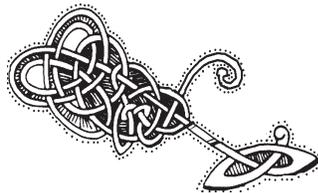
Примечания:

¹ В переводе К&К — *Бут*, у М&К — *Подстенок*, у Волковского — *Становище*.

² ТС — *A Tolkien Compass: Fascinating studies and interpretations of J.R.R. Tolkien's most popular epic fantasies*, Jared Lobdell (ed.), New York: Ballantine Books, 1975.

³ В переводе М&К; у К&К — *Теснина*.

⁴ Указанные в этом абзаце страницы III тома «Властелина Колец» относятся: 483 — к Приложению D (в переводе К&К — Приложению Г); 509 и 517 — к Приложению F (у К&К — E). — *Прим. перев.*

Хелъга Раусканъер
(перевел Ораугер)

Другие названия: Adûni (самоназвание, РМ:316), Sôval Phârë (“Всеобщий язык” на Вестроне), и (на Синдарине) Annúnaid (*“Вестрон”) или Falathren (“Береговой язык”).

*Примечание: символом * обозначены реконструированные слова.*

Язык, на котором в действительности говорили персонажи “Властелина колец”, и на котором была написана “Алая книга”, назывался Адуни (Adûni). Толкин перевел это название на английский как “Вестрон”. Он пояснял: “Язык, представленный в этой истории английским, - это Вестрон, или Всеобщий язык Западных земель Средиземья в Третью эпоху. В течение этой эпохи он стал родным языком почти всех говорящих рас (исключая Эльфов), которые обитали в границах старых королевств Арнора и Гондора: вдоль побережья от Умбара до залива Форохель и вглубь материка до Туманных гор и Эфель Дуат. Он также распространился к северу по Андуну на земли между рекой и горами до Оболони. Во время Войны Кольца в конце эпохи он все еще существовал в этих границах как родной язык.” (LotR прил. F) В то время, как Вестрон Гондора имел архаический привкус, хоббиты использовали грубоватый сельский диалект. Впоследствии говорилось, что Вестрон также использовался как второй язык всеми, кто еще сохранил собственную речь, например, Друзданами и Роханцами. Даже Орки при необходимости пользовались испорченной формой Вестрона. Фродо и Сэм в Мордоре поняли, что говорили друг другу два Орка, пытавшиеся их выследить, ибо, “будучи из разных племен, они [Орки] по привычке использовали Всеобщий язык” (LotR3/V-2). Вестрон - это язык, который нужно выучить, прежде чем сесть в машину времени и отправиться в Третью эпоху. (Изучение Квенья было бы подобно изучению Латыни перед путешествием в Европу: немногие люди смогли бы понять вас.)

По происхождению Вестрон был “языком Людей, хотя и обогащенным и смягченным под Эльфийским влиянием. Он был языком тех, кого Элдар называли Атани или Эдайн (Отцами Людей), - людей из Трех домов Друзей Эльфов, пришедших на запад в Белерианд в Первую эпоху”. Во вторую эпоху в фортах и гаванях, удерживавшихся Нуменорцами на побережье Средиземья, говорили на Адуунаике, “и, смешавшись с множеством слов из наречий младших людей, он стал Всеобщим языком, который распространился отсюда по всему побережью среди всех, кто имел дело с Людьми Запада” (LotR прил. F). Этот процесс продолжался после Падения Нуменора: “Люди Элендила были немногочисленны, ибо только несколько больших кораблей

спаслись при землетрясении и пережили морские бури. Они нашли на западных берегах [Средиземья] много поселенцев своей крови, которые были наследниками моряков и хранителей фортов и гаваней, построенных в ушедшие дни; однако Дунаданы были теперь всего лишь маленьким народом среди чужаков. Они использовали Вестрон во всех своих делах с другими людьми и при управлении королевствами, правителями которых они стали; и этот Всеобщий язык расширился и обогатился словами, заимствованными из Адуунаика и Нолдорина [то есть, Синдарина].” (PM:33-34) Согласно PM:315, Адуунаик превратился в Вестрон отчасти по небрежению: пережившие Падение Нуменора не испытывали большой любви к языку мятежных королей Земли Запада, которые пытались подавить все другие языки. Язык был позже “смягчен под Эльфийским влиянием”. Толкин описывал Вестрон как “такой же разнородный, как современный английский” (Letters:425). Эльфийские элементы в Вестроне, вероятно, можно сравнить с многочисленными французскими словами, прижившимися в английском.

Структура Вестрона

Мы очень мало знаем о Вестроне по той простой причине, что Толкин почти везде перевел его на английский! Несколько слов из настоящего Вестрона приведены в приложении F к LotR, намного больше (сравнительно) - в “The Peoples of Middle-earth” (“Народы Средиземья”, 12 том серии “The History of Middle-earth” - “История Средиземья”). Толкин перевел даже имена хоббитов. Никогда не существовало хоббитов, которых звали Фродо, Сэм, Пиппин и Мерри. Их настоящие имена - Маура, Бан, Разар и Кали. Слово “хоббит” само по себе является переводом использовавшегося в Третью эпоху слова “kuduk”, произведенным от древнеанглийского “holbytla” - “обитатель нор”, аналогично тому, как kuduk было произведено от архаичной формы kûd-dûkan того же значения, сохранившейся в языке Рохана. Маура (Фродо) и его друзья не знали слова “хоббит”, они говорили “kuduk”.

Относительно фонологии и структуры Вестрона Дэвид Сало заметил (в частной беседе): “[Согласные] звуки позднего Адуунаика и Вестрона почти одинаковы. В обоих языках были **p, b, t, d, k, g, m, n, ng, r, ph, th, s, z, h, y, l**. В LotR говорится, что в Вестроне встречались палатальные **ch, sh**, но в известном материале представлен только **sh**. Вестрон также имел звуки **hr-, hl-**. Согласный **w** не известен, но, в отличие от Адуунаика, в Вестроне был звук **v**. По-видимому, произошел переход **w > v**. Словарный состав Вестрона не является полностью отличным от словаря Адуунаика: встречаются слова с тремя согласными в корне (gamba - самец, taruk - кролик, galab - игра, laban - сумка, narag - гном, zilbi или zilbi - масло), существует также большое количество слов с двумя согласными в корне (gama - крестьянин, zaga - старый, bana - половина, garha - грохот).”

В Вестроне существовала классическая система из пяти гласных: краткие a, e, i, o, u и долгие â, î, ô, û. Долгий ê не встречается в известных словах, но его существование подразумевается из сноски в Приложении E. (Там утверждается, что некоторые из говорящих на Вестроне использовали ei и ou, “более или менее, как в английском say no”, вместо ê и ô. Это произношение, хотя и “довольно широко распространенное”, считается неправильным и просторечным. Необходимо отметить, что такое произношение было обычным среди хоббитов.) Говорят, что в Вестроне также были редуцированные гласные.

В Вестроне не было имевшихся в Квенья звуков ty, hu. Гондорцы, говоря на Высоком Эльфийском, заменяли их на ch и sh. Вестрон не имел и звука, подобного немецкому ach-Laut (см. UT:319), поэтому Синдаринское Rochand, Rochan в гондорском произношении превратилось в Rohan (Рохан).

Одно позднее фонологическое изменение упоминается в PM:320. Двойные (долгие) согласные сокращались, если находились между гласными. Слово funnas (страж) произносилось (но не

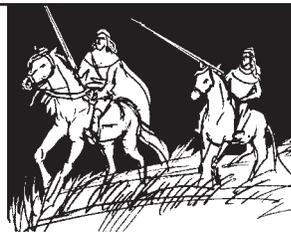

писалось) как *tunas*. Согласные в определенных сочетаниях изменялись: *tunnas* произошло от более раннего *tudnas*.

Окончания

Окончание *-a*, указывающее на источник действия, встречается в таких словах, как *ri̯a* - тот, кто дует, *batta* - тот, кто говорит. Окончание *-a* также указывало на мужской род (PM:46), по крайней мере, в Хоббитском диалекте. Толкин при переводе Алой книги, англизировал имена, заменяя это окончание на *-o*, например, Бильбо (*Bilbo*) для исходного Хоббитского *Bilba*. Окончания *-o* и *-e* - женского рода, Толкин мог заменить *-o* на *-a*.

Окончанием множественного числа было *-in*, как в *sūbugin* - хоббиты (PM:49 - *sūbus* превратилось в *kuduk* в опубликованном LotR). Толкин рассматривал несколько вариантов окончания мн.ч., такие, как *-a*, *-il*, *-en*, прежде чем остановился на *-in*. (Идея перехода глухих согласных в звонкие перед этим окончанием, как в *sūbus* / *sūbugin*, была, очевидно, отброшена впоследствии.)

Похоже, что в Вестроне, как в скандинавских языках, использовался суффикс вместо независимого определенного артикля: *Sūza* - Shire (Шир), *Sūzat* - The Shire.

Первоначальный, архаичный Вестрон, похоже, имел падежные окончания, но к концу Третьей эпохи они исчезли. *Nargian* в *Rhurgnargian* (Гномьи Дворцы, Мория) – это “окаменевшая” форма родительного падежа множественного числа от *narag* - гном. Дэвид Сало размышляет: “Поскольку в Адуунаике не было родительного падежа, можно предположить, что в течение Третьей эпохи Адуунаик превратился (через агглютинацию суффиксов) в язык с законченной системой падежей. Впоследствии падежные окончания были вновь утеряны. *Nargian* могло быть образовано соединением **nargii* (основа множественного числа с древним Нуменорским окончанием *-i*) и *an* (древний [Нуменорский] аффикс родительного падежа, переместившийся из начальной позиции в конечную.”

Слова *gaza* - чужак, *gazan* - иностранный - могут подтвердить существование окончания прилагательных *-n*.

Причастия прошедшего времени могут иметь окончание *-nin* (см. *karnin*).

Нам не известны местоимения Вестрона, но мы знаем о них кое-что: “В Вестроне местоимения второго лица (а часто также и третьего), независимо от числа, имели фамильярную и почтительную формы. Однако, одной из особенностей Ширского диалекта было то, что почтительные формы не использовались в разговорной речи. Они сохранились только среди сельских жителей, особенно в Западной Чети, использовавших их при ласковом обращении. Это было одной из причин, по которым люди из Гондора говорили о странности Хоббитской речи. Перегрин Тук, например, в первые дни своего пребывания в Минас-Тирите использовал фамильярные формы, обращаясь к людям любого положения, включая самого Наместника Денетора. Это могло развеселить старого Хранителя, но должно было поразить его слуг. Несомненно, такое свободное использование фамильярных форм помогло распространению известного слуха о том, что Перегрин занимал очень высокое положение в своей стране.” (LotR прил. F) Эти различия в местоимениях было невозможно передать в толкиновском переводе Алой книги на английский язык.

Эльфийское влияние

Сильное Эльфийское влияние на Вестрон заметно даже в том небольшом количестве источников, которые у нас имеются. Некоторые из этих слов могли быть заимствованы из Аварина предками Эдайн, попав в Вестрон через Адуунаик, другие могли перенять из Синдарина

изгнанники-Дунаданы.

balc (ужасный) выглядит связанным с Синдаринским словом balch (жестокий), происходящим от Протоэльфийской основы ÑGWAL - мучение (LR:377).

batta (тот, кто говорит), несомненно, связано с KWET (Протоэльфийский), *PET (говорить, Общий Телерин); ср. с Синдаринским peth (слово), ленизированное beth.

karñin (*расколотый, экспериментально выделено из Karningul - Ривенделл, Расколота Лощина) выглядит связанным с Эльфийской основой SKAR - вскрывать, раздирать; окончание причастия прошедшего времени -ñin также очень похоже на Синдаринское окончание -nep (как в ðirnen, ðirnen - защищенный, охраняемый - от ðir- наблюдать, охранять; ср. Talath ðirnen - Защищенная Равнина).

nas (люди, народ), как утверждается в РМ:320, заимствовано либо из Синдаринского pos, либо из Квеньяйского possë - семейство. (“Эльфийское краткое o в таких словах превратилось в a,” очевидно, потому, что они были заимствованы через Адуунаик, который имел только долгое ô. В нем был краткий a, и при заимствованиях изменялось качество гласного вместо количества.)

nîn (вода) должно быть связано с Эльфийской основой NEN (вода): nëp (Квенья), nep, мн.ч. nîn (Синдарин).

ras (музыкальный рожок); ср. с Квеньяйским rassë (рог), Синдаринским -ras в Caradhras (Красный Рог).

zîr (мудрый) очень похоже на Квеньяйское saira.

Словарь Вестрона и языка Хоббитов

Все отвергнутые формы исключены, Толкин много экспериментировал. Там, где формы из РМ не согласуются с формами из LotR, первые обычно опущены. Везде сохранено толкиновское написание. с и k представляют один и тот же звук, k предпочиталось в LotR (см.Тык).

Adûni - Вестрон (РМ:316). ba-, ban(a) - половина (РМ:51), banakil - половинчик, хоббит (LotR, Прил.Ф).

balc - ужасный (УТ:313).

Ban - Сэм, часто называется уменьшительным от Bannâtha, как Сэм - уменьшительное от Сэмюэл, но имя Сэма Гэмджи было уменьшительным от Banazîr (РМ:51).

Banazîr - простой (LotR, Прил.Ф).

bara- - быстрый? Выделено из Varabatta - “Быстро говорящий” (РМ:52).

-bas - городок, селение (РМ:48, LotR, Прил.Ф).

batta - говорящий? Выделено из Varabatta - “Быстро говорящий” (РМ:52).

Bilba - Бильбо (РМ:50).

Borhîn - Боффин (означает “забытый”; имя просто англизировано) (LotR, Прил.Ф).

bolg - выступ (РМ:48).

Bralda-hîm - “Крепкий эль”, игра слов, связанная с названием реки Барэндуин (или Branda-nîn), которое переводится на английский как Brandywine - Бренди-вино (LotR, Прил.Ф).

branda - граница, марка; Brandagamba - “Самец с границы”, Брендибэк, Брендискок, Branda-nîn - “Пограничная вода”, Барэндуин (LotR, Прил.Ф).

Bunga - Бунго, Bunga Labingi - Бунго Бэггинс (PM:48).

castar - монета, равная 4 tharni (PM:45).

gad - оставаться. См. Ranugad.

galap, galab - игра (PM:48/ LotR, Прил.Ф).

Galbasi - Гэмджи (LotR, Прил.Ф).

gamba - самец, в Brandagamba - Брендибэк (LotR, Прил.Ф).

gul - долина? (экспериментально выделено из Karningul - Ривенделл) (LotR, Прил.Ф).

hamanullas - неустановленный маленький синий цветок, экспериментально переведенный как лобелия (PM:47).

hîm(a) - эль, пиво (PM:54). В Bralda-hîm (LotR, Прил.Ф).

hloth(o) - хижина, двухкомнатное жилище (PM:49).

hloth-ram(a) - обитатель хижины, крестьянин (PM:49). Hlothram - Котман, имя деда фермера Коттона (LotR, Прил.Ф).

Hlothran - Коттон; см. Lothran.

kali - веселый, радостный, беззаботный; Kalimas - имя с забытым значением, но, очевидно, связанное с kali; поэтому Толкин перевел Kalimas как Мериадок, уменьшительная форма Kali - Мерри (LotR, Прил.Ф).

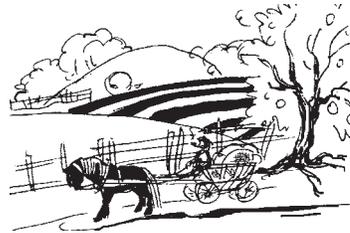
karnin - расколотый? (экспериментально выделено из Karningul - Ривенделл, LotR, Прил.Ф).

kast - mathom, мусом (от Роханского kastu; это слово, вероятно, использовалось только в Хоббитском диалекте Вестрона).

kuduk - хоббит, употреблялось только в Хоббитском диалекте; другие говорящие на Вестроне использовали слово banakil - половинчик (LotR, Прил.Ф).

laban - сумка; Labingi - Бэггинс (Сумник, Торбинс) (PM:48); Laban-neg - Бэг Энд, Засумки (PM:83).

Lothram - Котман (PM:49)

Lothran - Коттон, название Хоббитской деревни (PM:49). Состоит из hlotho + rân. В LotR, Прил. F написано Hlothran.

luthur, luthran - пух (PM:49).

Mauga - Фродо (PM:50). В Вестроне того времени не было слова maug-, но в древнем Роханском оно означало “мудрый, знающий, опытный”; поэтому Толкин перевел имя Mauga немецким именем с подобным значением.

naḡ - гном (PM:58), известна древняя форма родительного падежа ед. ч. nargian в Rhunargian - Дворцы Гномов, Мория (LotR, Прил. F).

nas - люди, народ. См. tudnas. Заимствовано из Квенийского nossë или Синдаринского nos - семья, род (PM:320).

neg - конец, край (PM:83).

nîn - вода в Branda-nîn.

phârë - речь, язык; Sôval Phârë - Всеобщий язык.

phur- - дворец, пещера; Rhunargian - Дворцы Гномов, Мория.

rûta - дующий (*rût- - дуть?) в Rârûta.

rân - деревня, небольшая группа жилищ на склоне холма (PM:49), ran(u) - дом, деревня (“ham”).

Ranugad - Хэмфаст, Остающийся дома (LotR, Прил. F).

râph(a) - шум, грохот (PM:60) в Zilbirâpha.

ras - рог; Rârûta - Дующий в рог (PM:45, 47).

gaza - странник, чужак; gazan - иностранный (PM:51).

Razanur Tûc - Перегрин Тук (PM:51); ср. Razar.

gazar - маленькое красное яблоко; Razar - Пиппин, связано со словом, означающим яблоко, но в действительности является уменьшительным от Razanur (PM:51).

ribadyan - празднующий день рождения (Letters:290).

sôval - общий; Sôval Phârë - Всеобщий язык (PM:55). (В действительности мы не можем абсолютно точно определить, какая часть означает “всеобщий”, а какая - “язык”).

sûza - сфера деятельности; часть государства; Sûza - Шир, Удел (PM:45).

tarpic - кролик, крольчатина (PM:49).

tarkil - человек Нуменорского происхождения (LotR, Прил.F).

tharantín - четверть, четвертая часть (PM:45).

tharni - четверть, фартинг (PM:45).

trah- - Хоббитская основа, ее значение, очевидно, связано с пролезанием через дыру; см. PM:54.

trân - смил, хоббитская нора (вероятно, употреблялось только в Хоббитском диалекте; ср. с Роханским trahan). (LotR, Прил.F)

TUD - охранять, сторожить (основа). (PM:320)

tudnas - страж. Впоследствии tuppnas; еще позже произносилось с кратким (одним) n, но писалось по-прежнему с двумя nn; неверное написание tupas появилось в Книге Мазарбул и было также неверно переведено Толкином как gard в его реконструкции этой страницы (этого не было в опубликованном LotR). См. PM:320 и TI:458.

Tûk - (так написано в LotR, Прил.F, Tûc в PM:46) - Тук. (Согласно традиции Туков, tûca “было старым словом, означающим отвагу, бесстрашие, но это выглядит как полностью обосновательная гипотеза”; поэтому Толкин просто англоизировал написание).

zaga- - старый; Zaragamba - Oldbuck, “Старый самец” (LotR, Прил.F).

zîr(a) - мудрый; Banazîr - “полу-мудрый”, Сэм (LotR, Прил.F, PM:51).

zilib, zilbi - масло (PM:60, 52).

P.S: В Vinjar Tengwar #32 Карл Ф. Хостеттер и Патрик Уинн доказывают, что, каким бы ни было Вестронское слово, означающее “сад”, оно должно начинаться с G, как и соответствующее английское слово garden. Это становится очевидным из слов Галадриэли, которые она произнесла, отдавая Сэму коробку с серебряной руной на крышке перед уходом Братства из Лориэна: “Эта руна G, она означает Галадриэль, но может обозначать и сад на вашем языке”. Хостеттер и Уинн доказывают, что Вестронское слово “сад” в конечном счете является производным от Протоэльфийской основы ZAR (LR:360), которая удивительно похожа на индоевропейскую основу, к которой восходит английское слово garden - сад. “Английское garden, следовательно, имеет Элдаринское происхождение,” - заключают они. “Мы можем утверждать, что в самой глубине нашего сада действительно водятся феи”.

Перевод Марии Каменкович

(продолжение. Начало в №№21-30)

**Звезды, тени, двери, ведущие в погубы; строи языка,
строи истории.**

К нашей неожиданности, оказывается, что источники толкиновского вымысла, как ни странно, материальны и питаются фактами. Но у Толкина неплохо получались и замечания вскользь, касающиеся вещей, не имеющих прямого отношения к основному сюжету. “Для одного толстяка, — говорит Арагорн, — что живет в дне пути от чудищ, единственно от вида которых у него остановилось бы сердце и которые с легкостью сотрут его селение с лица земли, стоит только нам ненадолго снять стражу, — так вот, для этого толстяка я — подозрительный проходимец, `Бродяга`...” Арагорн не сообщает, что это за “чудища” — лесные орки? Хьорнубийцы? Огры с “высоких пустошей”? Этого мы так и не узнаем, но образ каких-то едва различимых теней, рыскающих в глубине бессолнечных чащоб, остается. Гэндальф сообщает нечто подобное: “Глубоко, глубоко, глубже самых глубоких гномьих пещер, живут под землей безымянные твари, исподволь грызущие основания мира. Даже Саурон не знает о них. Они гораздо старше его...”. Но что это за твари, он не уточняет. Среди них — “Проклятие Дьюрина”, Балрог; может быть, именно он отзывается стуком на камень, брошенный Пиппином в колодец, а, может быть, и не он; кроме того, в число этих тварей, надо полагать, входят создания, подобные Шелоб или Голлуму, а также обладатели “злых голосов” — стихийные духи с их маниакальным хохотом, преследующие путников на перевале, — такие спятившие Бомбадилы с Лестницы Димрилла. Иногда завеса тайны на мгновение приподнимается, — например, когда Гэндальф рассказывает Фродо о Голлуме и как бы ненадолго переносит хоббита на родину Смеагола и Деагола, в их тихий, пустынный мирок заводей, ирисов-сабельников и маленьких камышовых лодочек. Но как правило, предыстории остаются за бортом повествования. Арагорн, например, не объясняет, кто такие “юшки королевы Берутиэль” (т.1, с.461), обрывает повесть о Гил-гэладе, стоит Сэму завести разговор о Мордоре (т.1, с.286) и приоткрывает слушателям лишь малую часть истории про Берена и Тинувиэль (т.1, с.295-6). Гэндальф говорит Фродо, что, примесь он рассказывать ему всю историю Кольца “... с начала, мы с тобой до зимы не кончим”. Когда

заходит речь о том, как Саурон лишился Кольца, Гэндальф замечает: “Эту главу древней истории я пересказал бы тебе охотно, ибо она тоже повествует о скорби и о деяниях, которые не прошли бесследно. В один прекрасный день я, может, и расскажу тебе все от начала до конца”. “Может быть”, “в один прекрасный день” — эти словосочетания играют здесь главную роль. Ошибкой было бы думать, что все загадки находят свое разрешение в “Приложениях” к “Властелину Колец” (хотя в некоторых случаях это так). В своем контексте все тайны и загадки выполняют определенную работу — они разжигают у читателя аппетит и обеспечивают повествованию перспективу; правда, в качестве “темных мест предьстории” они, возможно, производят не такое сильное впечатление, чем в тех случаях, когда они содержат ссылку на “миф”.

В главе “Тени Прошлого” кульминационным центром Гэндальфова рассказа является маленький стих о кольцах, который служит эпиграфом ко всей книге. Кроме того, этот стих, выгравированный на Кольце, служит окончательным подтверждением того, что Кольцо, оказавшееся во владении хоббита Фродо, и есть то самое, Единое:

“И одно — Повелителю гибельных сил
В царстве Мордора мрачном, где тени легли.
Отыскать их, собрать их, предать их Ему,
Воедино сковать их и ввергнуть во тьму
В царстве Мордора мрачном, где тени легли”.

(пер.М.Каменкович и М.Медведева)

Последняя строка — что-то вроде внутреннего рефрена. Станным эхом отдается ей в ответ строка из песни, которую почти двумястами страницами позже декламирует Сэм:

“...Но помнят давние года —
Ушла с небес его звезда:
Скатилась и изнемогла
Во мгле, что Мордор облегла”.

Это четверостишие — еще одна пауза в потоке повествования, но одновременно оно способствует усилению и поддержке главной линии. Каково соотношение между первым и вторым стихотворениями? Никто не говорит о том, что они чем-то связаны, но какая-то связь существовать должна. Есть какая-то традиция, которая вызвала к жизни оба стихотворения, и эта традиция не находится в исключительном ведении Гэндальфа — по-видимому, она была некогда широко распространена в Средьземелье.

Обрывки этой традиции то и дело выплывают на поверхность. Так, в т.1 на с.133 Гилдор и его эльфы поют “гимн” Элберет, который заканчивается словами: “*We still remember, we who dwell/ In this far land beneath the trees./ Thy starlight on the Western Seas*” (“Мы еще помним, мы живущие/ В этой далекой стране под деревьями./ твой звездный свет на Западных Морях”)¹. Имеется в виду, что эльфы — изгнанники: они и сами живут под покровом “мглы”, хотя это и

не мордорская мгла, и смотрят вверх, на звезды, от света которых они ныне отлучены. Бомбадил вызывает к жизни тот же мотив потери, когда, сотней страниц позже, говорит: “Сыновья владык забытых и князей потомки — странствуют они по свету, по горам и весям, терпят горе и лишения, одиночество и холод, охраняя от напасти слабых и беспечных...” “...Мало кто теперь их помнит, и никто не знает, что не все они погибли и не все пропали”, и его слова будят в хоббитах видение: “...перед ними раскинулись мгlistые равнины минувшего, а по равнинам шагали высокие и суровые мужи со сверкающими мечами. Они прошли — и появился еще один, последний, со звездой на челе”. Со временем мы узнаем, что последний — это Бродяга, или, точнее, Элессар, “Эльфийский Камень”. Но со словами Бомбадила, услышанными хоббитами перед самой встречей с Бродягой, перекликаются строчки из загадочного стихотворения Бильбо, услышанного хоббитами, когда родословная Бродяги им еще не была известна:

“Во тьме земля сады растит;
Не всяко золото блестит...”(21)

Эхо этих стихов разбегается по многим направлениям, но на каждом из направлений отчетливо выделяются слова “помнить”, “блуждать, странствовать”, “обитать”, а чаще всего — “звезда” и “тьма”. Из всех этих песен и стихов, вкупе с другими, такими, как песня Арагорна о Берене и Тинувиэль, с ее постоянным, но ускользающим от пристального взгляда использованием таких выражений, как “stars in shadow”, “trembling starlight”, “shadowy hair” (“звезды в тени”, “дрожащий звездный свет”, “тенистые волосы”; в переводе этим образам отдаленно соответствуют — “кос ночная тень”, “лучи застывших звезд”, “трепет звезд”. — М.К.). Можно далее реконструировать что-то вроде повторяющегося образца, который в мире Толкина условно освящен временем и в котором звезды и тени всегда противостоят друг другу, причем тени ближе и обладают большей силой, зато звезды не меркнут в памяти и вдохновляют на сопротивление(22). Возможно, нет читателей, которые сознательно обратили бы на это внимание, но, тем не менее, все читатели что-то такое невольно чувствуют. Позже это смутное ощущение не вытесняется, а наоборот, подтверждается и усиливается более полными рассказами о Берене и Лутиэн, которые мы слышим из уст Гэндальфа и Элронда, из песни Галадриэли в т.1, на сс.388-9, из Приложений и, наконец, из “Сильмариллиона”. Мало также найдется читателей, которые не почувствуют здесь резонанса со знакомыми, привычными мифами: возможно, при чтении истории об угрюмых, но незаменимых Следопытах им вспомнится сказание о “сыновьях Марты”(23), а когда они прочитают в стихотворении Бильбо строчки “Огонь проснется из золы./ Воспрянет свет из мутной мглы”, у них, возможно, возникнет ассоциация с Сошествием во Ад; история же о падении Гил-гэлада может напомнить об Икаре, или о Прометее, или о смерти Бальдра(24). Все это остается не в фокусе, но ощущается достаточно явственно. Не прибегая к развернутым объяснениям, эти ассоциации определяют для персонажей место в нравственном мире так же недвусмысленно, как и на географической карте, причем и нравственный, и географический мир героев похожи на наш, хотя и отличаются от него.

Итак, история Гил-Гэлада выполняет роль, очень похожую на роль названия “Новодолбы”. И та, и другое сообщают нам уверенность в том, что в Средьземелье есть много такого, о чем невозможно поведать за один раз. Однако эти два имени очень отличаются друг от друга. “Гил-гэлад” — имя для английского языка явно инородное. Эффект, который производят на читателя языки толкиновского мира, должен, по-видимому, быть столь же впечатляющим, как и эффект, производимый мифами и картами. Как и следовало, опять-таки, ожидать, Толкин пользовался выдуманными им языками крайне своеобразно и дерзко, не взирая на вполне предсказуемую

реакцию читателей. “Миф о звездах и тенях”, например, весьма характерным образом воспроизводится в эльфийской песне, которая поется в Ривенделле (т.1, с.250) и переводится так: “О Элберет, Зажегшая звезды!.. Отсюда, из оплетенного деревьями Средьземелья, о Сияющая, облеченная в вечнобелые одежды... я буду петь тебя”. Однако ни один из читателей “Властелина Колец” не может узнать об этом непосредственно, поскольку песня исполняется на эльфийском языке — Синдарине, и перевод ее оставался читателям неизвестным вплоть до опубликования в сборнике “Бежит дорога вдаль и вдаль”, на с.64, а этот песенный цикл был опубликован только в 1968г.(25). В “Содружестве Кольца” эти строки представляют собой не более чем ряд бессмысленных звуков: “*А Элберет Гилтониэль... На-Хаэрэд палан-дириэль о галадреммин эннорат, Фануилос, ле линнатон!*” Спрашивается, что может извлечь из этого читатель?

Ответ на этот вопрос у Толкина, разумеется, имелся. Этот ответ существовал в форме теории, созданной им исключительно для собственного употребления. Толкин размышлял над ней начиная с 1926 года, когда, в написанной им для сборника “Ежегодник исследований в области английского языка” (кн.5) главе “Общая фонология”, намекнул, что в принципе могла бы существовать и такая наука, как “*Lautphonetik*”, что переводится как “фонетика звуков”. Но фонетика и так занимается не чем иным, как звуками! По-видимому, Толкин разумел под этим “эстетику звуков”, науку, которая объяснила бы, почему некоторые звуки или сочетания звуков производят на слушателя тот или иной эффект. Тридцать лет спустя он вернулся к этой идее в последней из своих больших научных работ — О Доннеловской лекции “Английский и валлийский”, которую он прочитал в Оксфорде в 1954г., сразу после выхода в свет “Властелина Колец”. Это весьма многоречивое произведение, в котором затрагивается множество тем, одна из которых — сознательная и обдуманная, хотя и не вполне научная попытка объяснить, что именно делает язык красивым. Толкин настаивал на том, что “фонетические элементы языка и стиль его основных моделей” могут стать источником специфического наслаждения. Еще больше наслаждения таится в процессе “сопоставления этих словоформ с их значениями”, но это уже отдельная стадия. Толкин говорит, что ему достаточно было однажды увидеть страницу словаря готского языка, как его сердце попало в полон. То же самое произошло с финским, и в течение всей жизни при виде валлийских названий на английских угольных вагонах или таких простых надписей, как *adeiladwyd* 1887 на какой-нибудь валлийской часовне(26), в нем вспыхивал подобный же восторг.

Что же это было за специфическое чувство? В возрасте шестидесяти двух лет Толкин уже не чувствовал более побуждения создавать новую научную отрасль и вернулся к слову “стиль”. По его мнению, наслаждение происходит от “соответствия слова... определенному стилю”. Одной из черт, характеризующих валлийский “стиль”, можно назвать “любовь к носовым согласным ... и то, как часто здесь используется сочетание мягкого и не столь звучного *w* со звонкими спирантами *f* и *dd* в контрасте с носовыми: *nant, meddiant, afon, llawenydd, cenfigen, gwanwyn, gwenyn, cratanc*, если взять несколько слов наугад” (с.40). И слово “стиль”, и эта теория были у Толкина на уме, когда он писал Приложение Е к “Властелину Колец”, где объявил, что использовал имена типа “Бри”, “Коум”, “Арчет” и “Четвуд” именно потому, что они содержат неанглийские элементы, а ему как раз нужны были слова, которые звучали бы “непривычно” для английского уха. Благодаря им он смог сымитировать тот стиль, который англичанин, возможно, должен приблизительно ощущать как “кельтский”. Это и было основной лингвистической ересью Толкина. Он полагал, что люди способны, через посредство одних только слов, чувствовать ход истории, что они способны распознавать языковые “стили” и могут извлекать особого рода смысл из отдельных звуков, более того — способны делать эстетические суждения, основанные только на звучании слов. Он говорил, что словосочетание “*cellar door*” (англ. “дверь в подвал”) звучит гораздо красивее, чем слово “*beautiful*” (англ.

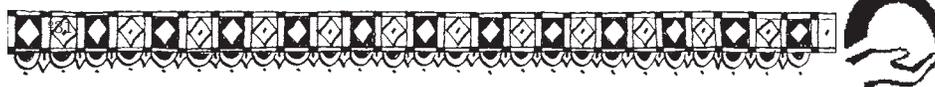

“прекрасный”). Он явно верил, что с помощью *непереведенных* на английский эльфийских слов можно добиться того, чего невозможно достичь с помощью одного только английского языка.

Мог ли он быть прав? Ересь Толкина была направлена против веры в то, что язык ономастопозитичен⁽²⁷⁾ лишь в очень узком смысле слова, и только в силу давней привычки англичанам кажется, что слово “*pig*” (“свинья”) звучит “по-свински”. Ведь датчанам, наверное, наоборот, кажется, что “*pige*” звучит “по-девичьи”? Весьма в духе Толкина было по-бомбадилловски подозревать, что за всеми подобными смутными ощущениями может крыться “истинный язык”, язык, “изоморфный реальности”, и в любом случае вещь — обозначаемое, человек — обозначающий и язык — обозначение могут быть тесно связаны между собой, особенно если человек — носитель языка — с этой “обозначаемой” вещи кормится. В “Двух Башнях” Леголас ясно выражает эту точку зрения: слушая, как Арагорн поет песню на языке роханцев, Леголасу не известном, он замечает: “...Этот язык... сродни этой земле — то вольный и раскатистый, то твердый и суровый, как горы”. Он прав, но это только одно из многих справедливых замечаний подобного рода, разбросанных по тексту трилогии. Например, когда хоббиты слушают пение Гилдора и его эльфов, даже те из них, кто совсем не знает Квэнии, чувствуют, что “...звук, слитый с мелодией, проникал глубоко в душу и сам собой складывался в слова” (т. I, сс. 132-3). Тот же эффект на слушателей производит погребальная песнь Глеовина, которую тот поет в честь Теодена (т. III, с. 348). В т. I на с. 381 Гэндальф произносит в Ривенделле несколько фраз на Черном Наречии Мордора, и его голос изменяется: “В нем зазвучали угроза и сила — грубая, как необработанный камень”, так, что эльфам приходится зажать уши. Элронд сурово упрекает Гэндальфа за то, что тот воспользовался этим языком. И наоборот, Мерри, слушая, как поют роханцы, которые держат путь на Смотр роханских войск, взбадривается: “Иногда кто-нибудь из всадников запевал, звонко и весело; тогда сердце хоббита начинало биться сильнее, хотя он и не понимал, о чем песня” (т. III, с. 81), а когда Гимли поет о Дьюрине, Сэм Гэмги — персонаж неученый — отзывается на звучание эльфийских и гномьих имен просто и прямо: “Мне нравится!...Я бы это выучил”. Очевидно, это и есть образцовый отклик.

Из всего этого видно, почему в 1955г. Толкин сделал такое, на первый взгляд дикое, утверждение: дескать, для него “Властелин Колец” — это в основном “эссе на тему лингвистической эстетики”. Из этого видно также, что он был убежден в действительности своей “ереси”, поскольку в статье “Английский и валлийский”, заканчивая пассаж о “валлийском лингвистическом стиле”, он обращается к “Властелину Колец” не как к художественному произведению, а как к свидетельству в свою пользу: “Имена персонажей и названия мест в этой повести в основном построены по образцам, сознательно ориентированным на валлийский язык и очень к нему приближенным, но не идентичным. Возможно, этот элемент во “Властелине Колец” доставил читателям больше удовольствия, чем что-либо другое”.

“В основном” — это некоторое преувеличение: по валлийской модели в Средьземелье сформированы только гондорские и некоторые эльфийские, а точнее, синдаринские имена и названия, причем именно об этих названиях можно больше всего спорить. Однако в большинстве своем английские читатели довольно уверенно ориентируются на лингвистической карте Англии, на которой сменяют друг друга английские, древнескандинавские и валлийские компоненты. Эти читатели вполне могут сказать: “Гарстанг звучит по-северному”, или “Толпаддл — это что-то западное”. Такие читатели вполне способны перейти от случайных догадок к более глубокому пониманию различия между собой языковых стилей Заселья, Страны Всадников и гномьего наречия. Гораздо труднее оценить, какое количество читателей с первого же чтения заметит, что песня в Ривенделле (т. I, с. 356) написана на одном языке (Синдарине), а песня Галадриэли (т. I, с. 554) — на другом (Квэнии), и более

того — что эти языки родственны между собой. Одинаково неверно было бы заявить, что читатели вообще ничего не понимают в написанных на неизвестном языке песнях, и предположить, что они понимают в них все. Что же касается топонимов, ландшафтов и мистических текстов, то здесь “смутного чувства” или “стиля” вполне достаточно, как бы ни тщетны были попытки понять этот феномен с помощью рассудка.

Далее, толкиновская лингвистическая карта Средьземелья исключительно ясно демонстрирует, как соотносились у него в уме “вдохновение” и “вымысел”. Можно было бы утверждать, что многие из его решений были ему навязаны: ему не раз приходилось прибегать к помощи голого “вымысла”, чтобы выйти из того или иного затруднительного положения. Так, повествование, разумеется, можно было вести только на современном английском языке. В итоге с первых же страниц “Хоббита” стало ясно, что хоббиты — или как минимум Бэггинсы — настоящие англичане, как по характеру, так и по способу строить фразы. Но Толкин знал (и никто как он!), что “английскости” в Средьземелье взяться неоткуда, это противоречило бы здравому смыслу. Поэтому он объявил, что пользуется английским языком просто как *аналогом* “хоббичьего”. А гномье наречие? Уже в “Хоббите” фигурировали гномьи имена, и они были позаимствованы из древнескандинавского — языка, близость которого к современному английскому разумелась для Толкина сама собой. Поэтому гномы обязаны были говорить на языке, который относился бы к Общему в точности так же, как древнескандинавский к английскому. А поскольку эти гномы и хоббиты совершенно не похожи друг на друга (в то время как люди и хоббиты все-таки хоть в чем-то, да родственны, см. т. I, с. 19), то очень маловероятно, чтобы их языки состояли в таком близком родстве. Поэтому Толкин был принужден написать, что из соображений удобства гномы говорили на человеческих языках и пользовались человеческими именами, но имели при этом собственный тайный язык и тайные имена, которые держались в таком секрете, что не вырезались даже на надгробных камнях. Без сомнения, эта деталь нравилась Толкину, поскольку перекликалась с гриммовским “Румпельштигцхеном”. А разобравшись с древнескандинавским и английским, Толкин мог, что напрашивалось теперь само собой, спокойно вывести на сцену и древнеанглийский. Отсюда культура Всадников с ее исключительно древнеанглийской терминологией, с их именами, которые часто представляют собой просто древнеанглийские слова, написанные с большой буквы (например, “король Теоден”: это такое же тавтологическое словосочетание, как и “Бри-гора”)(28), с постоянными намеками на то, что хоббичий язык — это выродившийся вариант роханского: слова изменились, но остались “вполне благозвучными” (т. II, с. 220). Тут “вымысел” отступает в сторону и дает место “вдохновению”. В беседе, которую ведут у стен Исенгарда Пиппин, Мерри и Теоден, Толкин больше не пытается объяснять старые “несстыковки”, тянущиеся еще из “Хоббита”. Вместо этого он все дальше углубляется в вымышленный мир, который живет теперь своей собственной жизнью.

В итоге Толкин втянулся в еще большую непоследовательность и, как следствие, вынужден был прибегнуть к еще более изощренному вымыслу. Ему пришлось взять на себя роль “переводчика”. Можно было заранее предвидеть, что эту роль он исполнит, напустив на себя самый что ни на есть серьезный вид, не только выдавая текст за “перевод”, но еще и намекая на существование целой рукописной традиции, с ним связанной — от дневника Бильбо до Красной Книги Западных Окраин, минас-тиритской Книги Тана и копии писца Финдегила. С течением времени он также почувствовал себя обязанным подчеркнуть самостоятельность Средьземелья, и заявил, что переводил оригинальный текст по методу аналогии, в процессе чего подлинные имена и названия приходилось заменять другими, и т.д. Так, о Стране Всадников и ее отношении к миру древних англичан он говорил: “Из этой чисто лингвистической процедуры (имеется в виду перевод языка роханцев на древнеанглийский — Т.Ш.) вовсе не следует, что Рохирримы походили на древних англичан и во всем остальном — в быту, в искусствах, оружии и военном

деле, — больше, нежели того требовала сходность условий, в которых они жили” (т.Ш, с.597). Но это заявление совершенно не соответствует истине. Всадники Рохана похожи на англосаксов вплоть до малейших деталей, за одним только примечательным исключением, о чем речь ниже.

Итак, главное в том, что у истоков толкиновского творчества стоят древние языки. Толкин не вводил их в уже готовую прозу, потому что они могли в ней пригодиться, хотя он и притворялся, что поступает именно так. Нет; все происходило совсем не так. Он писал свои произведения ради того, чтобы с их помощью ввести читателя в мир этих языков, и делал это потому, что любил их и считал, что им присуща особенная внутренняя красота. Карты, имена и языки предшествовали сюжету. Разрабатывание их было в некотором смысле излюбленным способом Толкина заправиться достаточным количеством горючего, необходимого для того, чтобы заработал мотор его творчества; но в некотором смысле они же были и поводом к тому, чтобы вообще стремиться привести этот мотор в движение. Они были одновременно и “вымыслом”, и “вдохновением”, — или, если выразаться точнее, не одновременно, а поочередно.

“Совет Элронда”

Эта глава свидетельствует прежде всего о необычайной культурной глубине “Властелина Колец”. Слово “культура” использовалось Толкином не часто. За время его жизни оно меняло смысл несколько раз, причем в направлении, которого он одобрить никак не мог. Однако в гл.2 кн.2 “Содружества Кольца” обнаруживается глубокое понимание этого слова в современном смысле, как “весь комплекс грамотного поведения... материальные ценности, язык и весь набор символов, принятый у определенной группы людей”. Это дает отправную точку персонажам, которые обрисовываются в этой главе. Я подозреваю также, что это было отправной точкой и для самого Толкина, поскольку после написания этой главы он перестал наконец описывать пейзажи, знакомые ему по собственному опыту. Поэтому нет, наверное, ничего удивительного

в том, что, глава “Совет Элронда”, как и глава про дом Беорна в “Хоббите”, призвана внезапно ввести читателя в миры архаики и героики, которые противопоставляются современному, прагматическому миру и подавляют его. Однако “Совет Элронда” на много порядков сложнее своего раннего аналога, и представляет собой переплетение по меньшей мере шести основных голосов, не считая второстепенных и данных в пересказе. Кроме того, в этой главе излагается достаточно сложная и запутанная история, и излагается она столь же сложным и запутанным образом, благодаря чему хор всех этих голосов просто повергает читателя, говоря нашим языком, в культурный шок.

В основном этот шок производят те речи и надписи, которые приведены *внутри* Гэндальфова монолога, на сс.375-396, при том, что Гэндальф выступает пятым и его речь длиннее, чем у остальных (“остальные” — это Глоин, Элронд, Боромир, Арагорн и Леголас). Внутри этого монолога в качестве мерила нижнего уровня “нормальности” — и, соответственно, бессодержательности — выступает Папаша Гэмги. “Я... успел перекинуться словечком со стариком Гэмги, — говорит Гэндальф. —...Слов мы потратили много, но узнать я почти ничего не смог”.

“Перемены не по мне, — повторял он. — В мои годы — увольте! Особенно если эти перемены к худшему. — И приговаривал: — К худшему, да, да, к худшему!” — “К худшему? —

переспросил я. — Зловещие слова! Нет уж! Надеюсь, на твоём веку это худшее ещё не настанет!”

“К худшему” — слова и впрямь зловещие, особенно если учесть, что Папаша Гэмги жалуется всего лишь на Саквилль-Бэггинсов. Использует словечко “худшее” и Дэнетор, правда, гораздо позже (т. III, с. 112)(29), и вкладывает в него тот же зловещий смысл. Что же касается выражения “не по мне”, то в устах Папаши Гэмги оно почти лишено всякого значения. В непосредственном контексте его слова означают — “не могу перенести”, “не могу стерпеть”, “не могу справиться”. Но тогда это попросту неправда. Папаша Гэмги *может* справиться с переменами; более того, он как раз и занят тем, что “справляется” с ними. Ближе к концу книги он, как всегда не блистая остроумием, морализирует: “Плох тот ветер, который никому не приносит ничего хорошего. *Я всегда это говорил!*” (курсив мой. — Т.Ш.), и “Все хорошо, что кончается лучше, чем начиналось!” (т. III, с. 416). По крайности, он научился избегать превосходной степени. Но его речь в передаче Гэндальфа содержит неприятное напоминание о психологической неподготовленности к переменам.

Сын Старикана Гэмги, Сэм, на Совете Элронда взбадривает павших было духом хоббитов, бросив под занавес замечание: “Ну и влипши мы с вами в историю, господин Фродо!”: Сэм так же недалек, как и его отец. Поэтому он сам ввязывается в неприятности, а Фродо попадает в них помимо воли. Но слепота уживается в Сэме с безоглядным мужеством, мрачным удовольствием, с которым он встречает трудности и отказом видеть в Судном Дне что-либо кроме “неприятной переделки”; все это в точности соответствует известной англо-хоббитчье черте характера — неспособности замечать собственное поражение. Однако в речи Гэндальфа слышится и еще один звучащий по-современному голос, который служит средством подчеркнуть контраст между культурами: это голос Сарумана. Ранее о Сарумане почти не упоминалось, и с налету решить, плох он или хорош, труднее, чем во многих других случаях. Но когда Гэндальф нам его представляет, мы очень быстро начинаем понимать, что к чему, — благодаря стилю и словарю сарумановых речей. Саруман изъясняется как современный нам политик. “Мы можем выждать”, говорит он, используя окаменелый штамп.

“Мы не будем спешить. Мы скроем наши замыслы в глубине сердца, оплакивая, быть может, зло, совершаемое попутно, но твердо придерживаясь высших конечных целей — Знания, Закона, Порядка: всего того, что мы до сей поры тщетно пытались насадить в этом мире, покуда наши слабые и праздные друзья не столько помогали нам, сколько мешали. Цели и планы наши не изменятся. Изменятся только средства” (т. I, с. 388).

Саруман предлагает Гэндальфу именно то, чего научился страшиться современный мир: обман союзников, подчинение средств целям, “сознательное приятие на себя вины за необходимое убийство”. Но важно и то, как именно преподносит он эти идеи. Из всех персонажей Средьземелья один только Саруман умеет так искусно жонглировать фразами с противоречивым значением чтобы в результате получился ноль. Это достигается с помощью словечек вроде “настоятельный”, “конечный” и — самое худшее из всех — “реальный”. Что кроется за словосочетанием “реальные перемены”? ОСА дает целых три колонки определений, но и они ничего не объясняют. Это слово опустилось ниже словарного уровня. Как все мы знаем, слово “реальный” уподобилось сегодня словам “искренний” или “подлинный”. Если оно появляется в речи — это сигнал, что от вас ждут, дабы вы приняли его без рассуждений, не пытаясь понять, что именно значит в данный момент это слово из словаря рекламщиков и политиков. Словосочетание “реальные перемены” описывает Сарумана еще точнее и экономнее, чем “перемены к худшему” — Старикана Гэмги.

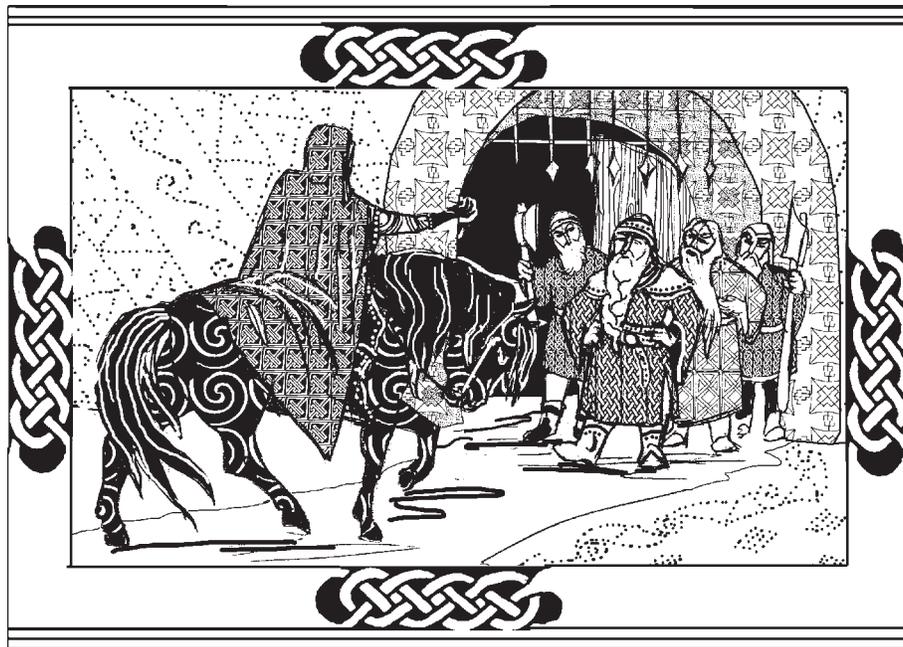

По контрасту с этими узнаваемыми голосами, голоса некоторых других участников Совета представлены как архаические, откровенные и трезвые. Сам Гэндальф использует более архаическую лексику, нежели обычно, — как бы для того, чтобы показать, кто он такой на самом деле, а речь Элронда (сс.364-367), как и подобает речи столь давно живущего на свете персонажа, изобилует старомодными синтаксическими инверсиями и словами типа “верегилд”(30), “оруженосец”, “дабы”, “вменить ни во что” и так далее. Смысл этой речи — утверждение северной “теории мужества” (этот термин Толкин употребил в своей лекции для Британской Академии). Главный пафос этой теории состоит в том, что, в согласии с нею, даже окончательное поражение не делает правых неправыми². Элронд видел “много поражений и много бесплодных побед”, и, на свой лад, успел уже потерять надежду на что-то хорошее, по крайней мере для своего “приемного народа” — эльфов (см. т.I, с.366 и далее т.III, с.427); но это не заставляет его изменить жизненную позицию или обратиться к поиску легких путей.

Однако с наибольшей определенностью героическую линию проводит гном Глоин, — это очень отчетливо проявляется в глоиновском пересказе диалога между посланником Саурона и королем Даином, этим характернейшим “носителем” гномьего упрямства. Посланник предлагает, в обмен на информацию о хоббитах или за Кольцо, “щедрую награду и вечную дружбу”. Если же Даин откажется, то, по словам посланника,

“...как бы вам об этом не пожалеть! Ну?”

Он зашипел как змея, и мы, все, кто стоял рядом, вздрогнули, но Даин молвил: “Я не скажу ни *да*, ни *нет*. Мне нужно время, чтобы обдумать твое предложение и понять, что стоит за красивыми словами”. — “Думай, но побыстрее”, — сказал посланец. “Я сам распоряжаюсь своим временем”, — последовал ответ. “До некоторых пор”, — молвил тот — и ускакал во тьму³.

Подобная пикировка встречается во “Властелине Колец” несколько раз, причем в основном в ней оказываются замешаны гномы. В следующей главе очень похожими мрачными пословицами обмениваются Элронд и Гимли(33); король Теоден с подобной же резкостью обрывает Мерри в кн.5-ой, гл.2(34); также и в “Приложении А”, в повествовании о битве при Азанулбизаре, приводятся весьма характерные гномьи речи(35). Все эти примеры объединяет особое напряжение, возникающее благодаря контрасту между напряженным смыслом беседы и вежливым и логичным выражением бурлящих исподволь чувств. Чем слабее выражение, тем напряженнее скрытый смысл. Таким образом, слова посланника — “как бы вам об этом не пожалеть” — являются на самом деле грубой угрозой, а “думай побыстрее” означает “у тебя нет времени на раздумья”. “Красивые слова” в устах Даина подразумевают “гнусное содержание”, а туманная метафора — “Я сам распоряжаюсь своим временем” — означает отказ вести переговоры под давлением. Оба собеседника стремятся продемонстрировать холодный, иронический самоконтроль. Элронд рекомендует не терять мужества, Гэндальф — не оставлять надежды, а вклад Даина в коктейль из различных этик, который образуется на Совете в результате смешения всех представленных на нем жизненных позиций, можно было бы определить, как, скажем, негибкий скептицизм. Эта добродетель сейчас практикуется мало — ее смыли волны торгашества, общепринятая сегодня установка на то, чтобы любой ценой приобрести побольше друзей и обратить на себя внимание влиятельных лиц, вера в то, что улыбка снимает любую агрессию. У нас больше нет даже названия для этой добродетели; разве что, может быть, те люди, которые называют питье чая словом “*бэггинс*”, еще признают ее за таковую и одобрительно называют “*bloody-mindedness*”³ (в ОСА не зафиксировано). Но как бы это качество ни называть, из речи Даина мы видим, что в нем заключена несомненная сила: слова подразумевают определенную этическую позицию, а этические позиции выступающих на Совете по сути совпадают, даже когда на первый взгляд различны. Из всех “Мудрых” только Саруман гонится за сиюминутной выгодой, превозносит практичность, ценит “*Realpolitik*”, — “политический реализм”.

Подобному анализу можно подвергнуть речь любого из участников Совета. Рассказ Гэндальфа об Исилдуре достигает своей цели благодаря контрастному сочетанию древних слов и архаических окончаний (“*glede*”, “*fadeth*”, “*loseth*” и т.д.) с характерным для Бильбо и Голлума словечком “сокровище”, которое вдруг откуда ни возьмись выскочило в письме Исилдура: “Сие кольцо — настоящее сокровище. Мое сокровище. Я дорожу им, хотя и стоило оно мне немало”. От “реалий человеческой природы” не денешься никуда! Еще более тонко вырисована сцена, в которой Арагорн и Боромир высекают друг из друга искры, скрещивая клинки слов и амбиций. Язык Арагорна обманчиво современен, по временам даже простоват, но все равно богаче языка Боромира с его слегка деревянной высокопарностью. Свой смысл есть даже в том, что в последнем споре Арагорн оставляет последнее слово за своим оппонентом, заканчивая свои слова фразой, которая была бы вполне уместна в современной речи — “Настанет день, когда мы сможем испытать это в бою”. В то же время эти слова легко соотносятся с древностью, хотя бы, например, с возванием воина Эльфвина из “Битве при Мэлдоне”: “*ni moeg cunnian hwwa cene sy*”⁴.

Словом, “информационная насыщенность” главы “Совет Элронда” очень велика, и в таком коротком разборе, как этот, всего коснуться невозможно. Большая часть заключенной в этой главе информации сообщается нам с помощью стиля, с помощью языка. И в основной своей массе читатели эту информацию воспринимают. В процессе чтения перед внутренним взором четко вырисовываются образы различных “жизненных стилей” Средьземелья, которые благодаря разбросанным по тексту сопоставлениям с современностью запечатлеваются в сознании особенно прочно. Так разнообразие языка, используемого персонажами, дает Толкину

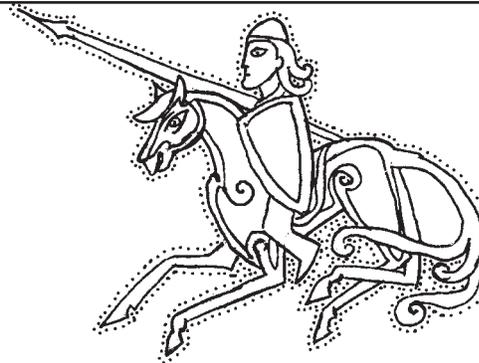
исчерпывающий и экономный способ драматизации этического конфликта.

Лошади Марки

Критики или обозреватели, бегло просматривающие сюжет, легко упускают это из виду. Возможно, теперь мы способны объяснить, в чем причина столь небывалой разницы во мнениях между поклонниками Толкина и его ненавистниками. Взятый как целое, “Властелин Колец” подобен главе “Совет Элронда”, но в большем масштабе. Нить сюжета и там, и здесь непрерывна. Но как эта отдельная глава в основном построена на разнообразии стилистических вариаций, так и все произведение в очень большой степени представляет собой обширное *tableau*⁵, по которому разбросаны отдельные образы мест, народов и сообществ, и каждый из этих образов на свой лад способствует продвижению повествования вперед. Правда, некоторые из них (Бомбадил, Старуха-Ива) в нем почти не участвуют и введены в текст исключительно ради них самих. Тот, кто не готов читать эту книгу медленно — а сам Толкин полагал, что его книги лучше всего читать вслух — может, как это ни странно звучит, счесть книгу “слишком неспешной” или даже “вялой”. Если смотреть только на сюжет, в этом будет заключаться толика правды. Но если свести все к одному сюжету, целого не поймешь.

Любое из нарисованных Толкином *tableaux* может выдержать самый подробный разбор. Естественнее всего было бы, наверно, начать с Гондора. Однако я предпочитаю Всадников Рохана. Они не были первенцами толкиновского воображения, но к ним он был привязан больше всего, и в каком-то смысле они занимают в его книге центральное место. Приступая к их созданию, Толкин вновь затеял игру со своей собственной “почвой” и своей родиной — “Малым Королевством”. Так, “Рохан” — это всего лишь гондорское название Страны Всадников; сами они называют ее “Марка”. В настоящее время в Англии не существует графства, которое называлось бы “Марка” или “Марк”. А вот в прошлом королевство с похожим названием существовало: это англосаксонское королевство Мерсия, на территории которого находились и Бирмингем — родной город Толкина, и его *alma mater* — Оксфорд. Название “Мерсия” представляет собой латинизм, который общепринят сегодня у историков прежде всего потому, что настоящее, местное название нигде зафиксировано не было. Однако известно, что западные саксы называли страну своих соседей *Mierc* (Мизрк). Название же “Мизрк”, согласно закону “и-мутации”, произошло от “Меарк”. Стало быть, согласно законам исторической фонетики, сами мерсианцы должны были называть свою страну не как-нибудь, а “Марк” (или, если соблюдать грамматическую параллель с названием “Мерсия”, — “Марка”)(37). Нет никаких сомнений в том, что некогда центральная Англия называлась так повсеместно. Что же касается “белой лошади на зеленом поле”, которая представляет собой эмблему Роханской Марки, то эту лошадь можно увидеть собственными глазами в пятнадцати милях от рабочего кабинета Толкина, в двух милях от “Кузницы Виланда”, как раз примерно на границе древней Мерсии и Уэссекса, как бы эту границу обозначая. Там, в зеленом торфе белого мелового холма, вырублена огромная белая фигура лошади(38). Все имена Всадников, а также язык, на котором они говорят — древнеанглийские; это многими отмечалось и до меня⁶; но эти имена были Толкину родными и близкими еще и в более глубоком смысле.

Правда, как уже отмечалось, сам Толкин утверждал, что Всадники не похожи на древних

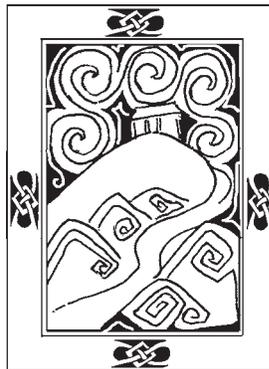

англичан “больше, нежели того требовала схожесть условий, в которых они жили — и те и другие представляли собой простые, примитивные народы, живущие в контакте с более древней и почтенной культурой и занимающие земли, которые были некогда частью ее владений”. Но это заявление представляет собой некоторое насилие над истиной, чтобы не сказать большего. Хотя одно очевидное различие между древними англичанами и населением Рохана все-таки есть: это — лошади. Рохирримы называют себя “Эотеод” (от древнеанглийского *eoh*—”лошадь” + *þeod*—”народ”). На Общий язык это самоназвание прееводится как “Всадники”. “Рохан” переводится с Синдарина как “лошадиная страна”. Знатные Всадники носят “лошадиные” имена (Эомунд, Эомер, Эовеин), а высшее звание у них — после короля — “маршал”: это слово было заимствовано английским языком из французского, но восходит к незафиксированному германскому *marho-skalkoz*, “слуга лошадей” (ср. с именем хоббичьего Хенгеста — Мархо). Рохирримы без конницы непредставимы. Англосаксы, наоборот, отличались полным нежеланием использовать лошадей в военном деле. Знаменательно, что “Битва при Мэлдоне” начинается рассказом о том, что лошадей отсылают в тыл(39). Битва при Гастингсе(40) были проиграна в основном потому, что английская тяжелая пехота с трудом могла противостоять войску, состоявшему из лучников и рыцарей на конях. В итоге англосаксы лишились независимости.

“Англосаксонская хроника” за 1055г. кисло замечает, что в битве при Херефорде(41) “англичане бежали прежде, нежели было брошено хотя бы одно копьё, поскольку вынуждены были сражаться верхом на лошадях”. Как же можно сравнивать культуру англосаксов и культуру Рохирримов?

Отчасти ответ в том, что Рохирримов надлежит сравнивать не с историческими англосаксами, а с англосаксами поэзии и легенды. Глава “Король Золотых палат” (“Властелин Колец”, кн.3) представляет собой прямую кальку с “Беовульфа”. Говоря о Медузельде: “Блеск (этих палат) виден издалека”, Леголас переводит 311-ю строку “Беовульфа” — “*ixte se leoma ofer landa fela*”⁷. “Медузельд” — слово, прямо взятое из “Беовульфа” (строка 3065). Означает оно “чертоги”. Еще более важно то, что и поэма, и данная глава “Властелина Колец” придерживаются единого мнения по поводу того, как следует приветствовать королей. В “Беовульфе” героя сперва останавливает прибрежный стражник, затем привратник, и только по преодолении этих двух заград дозволяется герою приблизиться к королю данов. Как и герои “Властелина Колец”, герои “Беовульфа” должны сложить свое оружие у стен дворца. Толкин в точности следует всем ступеням этого исполненного достоинства, выверенного до мелочей церемониала. В “Короле Золотых палат” Арагорна, Леголаса и Гимли сперва подвергают проверке стражники у ворот Эдораса, затем привратник Гама у ворот Медузельда. Гама тоже настаивает на том, чтобы пришельцы сложили у входа оружие. Однако персонажи Толкина подчиняются этому требованию не так охотно, как герои “Беовульфа”, которые подчинились стражнику без возражений — в основном потому, что Беовульф был добровольцем и в любом случае собирался сражаться с Гренделем голыми руками. В “Короле Золотых палат” между привратником и пришельцами возникает спор по поводу гэндальфова жезла, и Гаме приходится крепко задуматься, поскольку он совершенно правильно полагает, что “посох в руках волшебника может оказаться не просто посохом”. Он разрешает свои сомнения с помощью следующей максимы: “В сомнительных случаях доблестный муж и воин должен поступать по своему разумению, а не ждать приказа... Я верю, что вы пришли с добром, верю, что вы — люди чести и не жду от вас подвоха. Можете войти”. Его слова — эхо слов прибрежного стража из “Беовульфа” (строки 287-92): “...сказал дозорный:/ `И сам ты знаешь,/ что должно стражу- /щитоносителю /судить разумно /о

слове и деле. /Я вижу ясно, /с добром вы к Скильдингу/ путь свой правите, /и вам тореную /тропу, кольчужники./ я укажу...”

Дело, однако, не в том, что Толкин снова вводит в повествование кальку. Он воспользовался случаем, чтобы выразить на современном языке нечто, разумевшееся некогда у англосаксов само собой, — а именно, что свобода не является прерогативой демократий, а в свободных обществах даже приказы должны оставлять место выбору. Гама берет на себя риск в случае с Гэндальфом; так же поступает прибрежный страж с Беовульфом. Так же ведет себя и Эомер с Арагорном, не только отпуская последнего на все четыре стороны, но и ссуживая его лошадьми. Когда Арагорн возвращается, Эомер под арестом. Получает выговор за пренебрежение долгом и Гама. Однако у Всадников есть одна очень, если так выразиться, симпатичная черта: несмотря на то, что они “люди суровые и верные своему повелителю”, они относятся и к долгу, и к верности не по-рабски легко. Гама и Эомер принимают решения самостоятельно, и даже страж у ворот Эдораса преодолевает свои подозрения и желает Гэндальфу удачи. Как мы видим, оправдание типа “я только выполнял приказы” в Стране Всадников не сочли бы удовлетворительным. Это относится и к “Беовульфу”. Мудрость древнего эпоса трансформируется Толкином в целую череду сомнений и ответов на сомнения, изречений и ритуалов.

Можно пойти дальше и добавить, что истоки образа Всадников — не столько в истории, сколько в поэзии, ибо вся их культура основана на *песне*. Почти первое, что видят Гэндальф и его товарищи, приближаясь к Медузельду — это растущие по обеим сторонам дороги цветы *симбэльминэ*. *Симбэльминэ* — маленький белый цветок; его название означает “незабудка”, “вечно-помни”. Как и курганы, этот цветок символизирует не гаснущую в веках память о древних подвигах и героях. Всадников волнуют поминальные песни, тема смерти, эпитафии; их страшит возможность забвения. Это читается и в списке королей от Эорла Юного до Теодена, и в самоубийственных попытках Эомера и Эвейн сотворить “подвиг, достойный песни”(42), в той песне, которую поет Арагорн эльфу и гному, чтобы настроить их на культуру страны, которую они готовятся посетить:

“Где всадник, степями на бой проскакавший?
Где плуг, благодатную землю вспахавший?
Где жаркое пламя и отзвук струны?
Где шлем, и кольчуга, и эхо войны?”

Больше всего мы узнаем об этой культуре из аллитеративной погребальной песни в память Теодена, пропеты Глеовином, и из созданного неизвестным певцом плача по воинам, убитым на полях Пеленнора. Даже рифмованное двустишие, сложенное в память королевского коня, Снежногрива, говорит очень о многом. Во всех этих звучных стихах ярко выражены свойственные роханской культуре печаль и острое ощущение непримиримости противоположностей, таких, как “смерть” и “свет”, “владыка” и “воин”, “палаты” и “пашни” — эти противоположности глубоко укоренены в языке и культуре Всадников. Их, так сказать, визуальный коррелятив, зримое соответствие — копья, воткнутые в могильный курган близ Фангорна, у брода через Исену; а, может быть, копья символизируют людей, а курган — песни о подвигах этих людей? На эту мысль наводят слова Эомера, которые тот произносит у брода через Исену: “Копья рассыпаются в прах, мечи ржавеют, но пусть этот курган вечно охраняет брод через Исену!” Люди умирают, их оружие становится добычей ржавчины. Но память о них живет и хранится в *симбэльминэ*, в “вечно-помни”, в устном наследии народа.

Из всего этого видно, как далеко воображение Толкина превосходит воображение авторов

серийных книжек в жанре “фэнтэзи”. “Гордые варвары” в современной фэнтэзи идут сегодня по пенсу за десяток. Но мало кто из писателей понимает, что у варваров тоже есть чувства, что героический образ жизни заставляет людей очень серьезно думать о смерти и тратить много времени на то, чтобы сопротивляться ей теми способами, — пусть слабыми, — которые предлагает им их культура. Что же касается Толкина, то он почерпнул понимание этого из древнеанглийской литературы, величайший памятник которой — не какое-нибудь эпическое сказание, а погребальная песнь из поэмы “Беовульф”(43). Глава “Король Золотых Палаг” из “Властелина Колец” звучит таким же эхом этой поэмы, как песня роханцев, процитированная Арагорном — эхом древнеанглийской поэмы “Скиталец”(44). Однако Толкин не удовлетворился “эхом” и не ограничился простым переводом с древнеанглийского — он попытался реконструировать целую древнюю культуру. Именно этим объясняется любовь роханцев к лошадям. Чувства, которые питала к лошадям англосаксонская поэзия, разительно не соответствовали реальной жизни англосаксов и их реальной истории. Так, дружинники героя в “Беовульфе” радостно скачут прочь от озера чудовищ верхом на своих “*меарасах*”(45), распевая хвалебные песни, а древнее гномическое стихотворение “Гномы I” с энтузиазмом отмечает, что, дескать, “хороший человек должен позаботиться о том, чтобы обзавестись доброй, хорошо обьеженной лошастью, привычной к своему седоку, испытанной, с круплыми копытами”; Выше уже приводилась цитата из того же стихотворения: “эрл едет на выгнутой спине боевой лошади, а отряд всадников (*eored*) должен скакать одной группой”. Только по незнанию древний англосаксонский книжник вместо “*eored*” написал “*word*”, что означает “отряд пеших телохранителей”. Англосаксонские слова, обозначающие цвет, издавна смущают исследователей. Толкин мог знать, что эти слова использовались некогда как названия лошадиных мастей (а во “Властелине Колец” лошадиное имя “Хасуфэл” означает “Серая Шкура”). Это заставляет предположить, что ранние англосаксы были так же наблюдательны по отношению к лошадям, как современные африканские племена — по отношению к коровам(46). Может быть, то, что в историческое время возобладали пеший строй, было результатом переселения на остров. Может быть, англосаксы, прежде, чем эмигрировать в Европу, были другими. Что произошло бы, поверни они не на запад, а на восток, к германским равнинам и просторам степей, расстилающихся за ними? Создавая Страну Всадников, Толкин думал о “своей” Мерсии. Кроме того, он, конечно, помнил о великой и навсегда утраченной литературе Готии (см. сс.13-17, выше), о близких родственниках англов, павших добычей бедствий и забвения на равнинах России. Без сомнения, Толкину была известно темное предание, согласно которому само название “готы” означает “лошадиный народ”(47). Так реконструкция, объединившись с калькированием, дала в итоге фантастический народ роханцев и никогда не существовавшую роханскую культуру; но эта фантазия очень близка к “могло-быть-да-нету”. Всадники жизненны потому, что в их образе сливаются уютная, чисто хоббичья “привычность” и нечто совершенно нам незнакомое. Эомер — славный молодой человек, но в том, как он со своими людьми окружает Арагорна и его спутников, как он пытается взять их на испуг, сужая кольцо всадников и молча приближаясь к незнакомцам, “пока конец его копья почти коснулся груди Арагорна”, есть что-то от свирепости дикого кочевника. Роханцы ведут себя как индейцы в кольчугах. И Арагорн, подобно средиземельскому Следопыту Фенимора Купера, знает, что кочевники одобряют бесстрашие; поэтому он “не шелохнулся”. В других случаях психика Рохирримов обнаруживает склонность к припадкам безумия, — например, когда Эовеин отправляется искать смерти, а Эомер, видя перед собой неминуемую погибель, громко хохочет от радости. У врагов роханцев — дунландцев — ходили слухи, что Всадники будто бы “сжигают своих пленников живьем”. Толкин отрицает это, но в характере роханцев, как он представлен автором, все же есть что-то, что придает этому домыслу некоторое правдоподобие.

Всем этим качествам Всадников, опять-таки, имеется зримое соответствие, визуальный

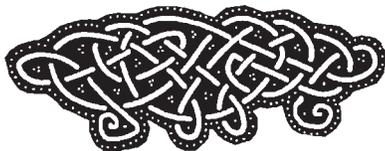

коррелятив. Это — первая же отличительная черта, которой Толкин наделяет Эомера (т. II, с. 39). Эомер “выше всех остальных, в шлеме с белым конским хвостом”. Конский хвост на шлеме — традиционное военное украшение гуннов, татар и вообще степных народов и является в высшей степени неанглийской деталью туалета; по крайней мере, плюмаж для английских войск не традиционен⁸. И тем не менее этот конский хвост несколько раз попадает в поле нашего зрения. Мерри, глядя на поле битвы, сразу замечает “белый султан Эомерова шлема” невдалеке от стен Минас Тирита, в гуще роханских всадников, которые “снова строились в боевой порядок”; когда же Теоден наконец пускает своего коня в атаку, противопоставив ужасу и отчаянию пение рогов и поэзию, за ним устремляются королевские рыцари с королевским знаменем — “белым конем на зеленом поле”, а Эомер “скакал с ним рядом; белый султан из конского хвоста развевался у него на шлеме”. Существует английское слово, которое означает одновременно украшение на шлеме (как у Эомера) и характерную особенность поведенческой модели роханцев; это слово — “*panache*”. Оно означает одновременно “плюмаж на шлеме рыцаря” и “внезапная удачная атака, порыв, сметающий любое сопротивление”. Это прямой антоним к слову “*doggedness*” — “терпеливая настойчивость”. Известно, что к такому приему, как внезапная атака, английские генералы относятся обычно с большой недоверчивостью. Однако слово “*panache*” как в абстрактном, так и в конкретном значении помогает понять Всадников и, представляя их одновременно похожими и непохожими на англичан, хотя бы отчасти показывает, как земля, на которой живет народ, определяет его лицо. Добродушный интерес Теодена к курительному зелью и к хоббитам (дай им время, они, чего доброго, научили бы Теодена курить трубку!) мирно соседствует в нем с непрекращаемостью решений и приступами внезапной ярости. Странное смешение, но ничего неестественного в нем нет. Такие народы, как роханский, наверняка должны были когда-то существовать на свете, — если бы мы только знали!

Окраины Марки

Роханская Марка обретает реальность за счет системы контрастов и сходств. Эта система исторически обоснована и даже обладает чем-то вроде исторической непротиворечивости; но, как и в случаях с названиями и эльфийскими песнями, невозможно сказать, какой процент измышленной автором стройной системы может быть непосредственно воспринят неподготовленным читателем, хотя бы на уровне подсознания. Имеются, однако, свидетельства в пользу того, что этот процент достаточно высок; разница между Толкином и, скажем, Робертом Э. Ховардом (48) или Э. Р. Эддисоном (49) и Джеймсом Брэнчем Кэйбеллом (50) лежит именно в толкиновской приверженности к интенсивной и вдумчивой систематизации, о которой он никогда не говорил отдельно и которую никогда не пытался описать аналитически, но которую лелеял и применял совершенно сознательно (хотя, возможно, набрел на этот метод интуитивно). План, который кроется за набросанным Толкином *tableu*, проявляется и в другом наборе контрастов и сходств — контрастах, которые, следует заметить, “работают” как внутри самого повествования (например, контрасты между Роханом и Гондором, Роханом и Засельем, Эомером и Гимли, и т. п.), так и вне его (например, у читателя поневоле возникнет побуждение сравнивать эти общества с нашим). Очевидно, что Толкин разрабатывал эти контрасты так же целенаправленно, как и стилистические противопоставления “Совета Элронда”, и с той же целью, а именно — для того, чтобы создать иллюзию полновесности изображаемых им культур.

Так, в книге есть по крайней мере три сцены, в которых жители Марки противопоставляются

гондорцам. Прежде всего, это две “встречи на безлюдье” — Эомера и его подчиненных с Арагорном, Леголасом и Гимли (т. II, с. 39), а впоследствии — Фарамира и его подчиненных с Фродо и Сэмом (т. II, с. 368); далее, построенные по одной и той же схеме описания зданий — Метузельда (т. II, с. 116) и большого дворца в Минас Тирите (т. III, с. 26); затем — не так отчетливо локализованное в тексте сопоставление впавшего в старческий маразм Теодена, его последующего исцеления и смерти — с Дэнетором, с распадом его личности, деградацией и самоубийством; при этом оба они старики и оба потеряли сыновей. Все эти контрасты характеризуют не только людей, но и культуры, этих людей вскормившие. Из первых двух сцен сразу становится видно, что между положением, в котором находится Эомер, и положением, в котором находится Фарамир, много общего: обоим командирам приходится иметь дело с, нарушившими границы одиночками, оба имеют приказ задерживать подобных нарушителей; обоим выгодно поступить согласно приказу, и оба в конце концов принимают самостоятельное решение, отпускают чужаков и предлагают им помощь. И все же разница между ними, наверное, заметнее, чем сходство.

Для начала, Эомер инстинктивно задирист. Именно инстинктивно, поскольку, когда его всадники отъезжают в сторону, он, хотя и чувствует себя гораздо свободнее, по-прежнему не слишком заботится о том, чтобы вести себя учтиво. Причиной тому в основном его невежество, которое проявляется почти в первой же его реплике: “Как мы могли вас не заметить? Или вы из эльфов?”. Когда же он слышит в ответ, что один из чужаков действительно эльф, это удивляет Эомера, поскольку для него, как и для автора “Сэра Гавэйна”, “эльф” — это просто “сверхъестественное существо”. Судя по всему, Эомер и его всадники скептически настроены по отношению к эльфийскому Золотому Лесу, к эльфам и к невеличкам, но в то же время до некоторой степени суеверны (Толкин считал сочетание скептицизма и суеверности достаточно распространенным): Эомер называет Сарумана “*dwimmer-crafty*”, то есть использует старинное слово, означающее “кошмар”, “иллюзия”, желая сказать этим, что все волшебники — “оборотни”, как Беорн, хотя, насколько известно читателю, это не так.

По контрасту с Эомером, Фарамир выглядит мудрее, глубже, старше; но это не его индивидуальные качества, это свойства культуры, которая его воспитала. Он постоянно употребляет пост-англосаксонское слово “*courtesy*” (“учтивость”), которое, подобно словам “цивилизация” или “урбанизация”, подразумевает некоему, оседлую стадию культуры. “Учтивая” речь Фродо — один из признаков, по которым Фарамир распознает в нем “что-то эльфийское”. На этот раз, по сравнению с неодобрением Эомера, об эльфах говорится с прямо противоположным чувством. Фарамир терпелив, и, хотя и он, и Эомер одинаково убежденно говорят о своей ненависти к любому виду лжи, будет справедливым сказать, что Фарамир позволяет себе обращаться с истиной относительно легко. Он задает меньше прямых вопросов; он скрывает от хоббитов, что до него дошла весть о смерти Боромира; а когда разговор подходит слишком близко к проклятию Исилдура и Кольцу, Фарамир позволяет Сэму уйти от этого вопроса. Кроме того, он умеет улыбаться. Гондорцы исполнены чувства собственного достоинства, благородны и даже произносят перед едой что-то вроде молитвы, но при этом не так пекутся о внешней стороне своего достоинства, как Всадники или деревянно-церемонные засельские хоббиты. Словом, Фарамир уверен в себе, и, рассказывая о Королях, Наместниках, северянах, о “горних” и “срединных” народах, он объясняет, почему. И он, и Эомер считают, что Боромир был больше похож на представителя “срединных” народов, но Эомер считает это достоинством, а Фарамир думает иначе. Две контрастирующие сцены с участием этих двух героев позволяют сделать весьма недвусмысленные выводы о последствиях культурной эволюции как таковой.

Возможно, не будет натяжкой сказать, что характеры Теодена и Дэнетора восстанавливают

равновесие. Если сравнить их дворцы, то, безусловно, чертоги последнего производят впечатление огромного культурного достижения. Но они безжизненны. “...В этом длинном торжественном зале не было ни драпировок, ни ковров, да и вообще ничего тканого или деревянного; только между колонн молчаливыми рядами высились изваяния из холодного камня”. В этом описании выделяется слово “web”. Это слово древнеанглийское, у англосаксов вполне обычное, и означает “драпировка, гобелен” (отсюда фамилия Вебстер). Любопытно, что любой оказавшийся во дворце Дэнетора Всадник сходу раскритиковал бы эти хоромы именно как безжизненные. По контрасту, в соответствующей сцене, где описывается Медузельд, главное ударение падает на “*fag flor*” (“пол, выложенный цветными камнями”) и освещенное лучом солнца изображение юноши на белом коне: “Всадник трубил в огромный рог, его светлые волосы развевались по ветру. Конь поднял голову, раздувая алые ноздри в предвкушении битвы”. Но общую гармонию великолепно реконструированной культуры Всадников нарушает одно странное слово — “*louver*” (“отверстие в крыше, через которое уходит наружу дым и проникают внутрь солнечные лучи”). Это слово позднее. Оно пришло из французского языка и впервые было зарегистрировано только в 1393г. Если в англосаксонских домах имелись такие отверстия, назывались они по-другому. Напрашивается вывод: Всадники кое-чему научились от Гондора, но не наоборот. Правда, возможно, на основе двух слов нельзя делать таких далеко идущих выводов, но, по крайней мере, совершенно очевидно, что поведение Дэнетора, и даже его уверенность в себе, которая делает его с сыном такими похожими, указывает на определенную слабость цивилизованных культур: эта слабость — в чрезмерной утонченности, в эгоизме, в отказе от “теории мужества”, в расчетливости, которая на практике оказывается самоубийственной. Теодена Гэндальф исцелить может, а по отношению к Дэнетору так и хочется употребить термин “невротик” (в теперешнем его значении впервые употребленный за пять лет до рождения Толкина).

Возможности для подобных рассуждений неисчерпаемы, причем коренятся они в истории — истории реальной, но увиденной глазами филолога, который не обязан слепо следовать Эдуарду Гиббону(51). Вот почему ранее было сказано, что Всадники занимают в книге в некотором смысле центральное положение. Можно сравнивать их с англосаксами, можно с готами — так или иначе, они слеплены из материала, который Толкин знал лучше всего. По отношению к ним Гондор — что-то вроде Рима и в то же время что-то вроде мифического Уэльса, того, который взрастил Короля Коля, короля Артура и Короля Лира. На южных границах этого государства обитают “воосы” — древнеанглийские “*woses*”, англосаксонские лешие; это слово — “*woses*” — дожило до времен “Сэра Гавэйна” и, неправильно понятое, проникло в эту поэму наряду со словом “эльфийский”. Ныне оно живет только в распространенной английской фамилии “*Woodhouse*” (см. прим. к с.60, выше). На севере от Рохана живут энты — “*ents*”, еще одно древнеанглийское слово, которое интересовало Толкина с тех самых пор, как он впервые — в 1924 г. — написал о “римских дорогах” и идентифицировал их с “*orþanc enta geweorc*”, “искусной работой энтов” из поэмы “Руины”. Англосаксы верили как в энтов, так и в воосов. Кто же такие были энты? Очевидно, они были исполинами, слыли великими строителями и, по видимому, исчезли с лица земли. На основании этих намеков Толкин и создал свою сказку о вымирающей расе энтов.

Однако сейчас для нас важно отметить не только то, что Толкин создавал свои образы на основе “реконструкции” или исходя из убеждения, что поэзия по самой сути своей всегда отражает истину; сейчас нам, скорее, требуется подчеркнуть, что именно постоянные игры Толкина с кальками и головоломками придали “Властелину Колец” ту динозавроподобную жизненность, которой нельзя передать ни в каком синопсисе, но которая обнаруживает себя в столь многих тысячах деталей, что только самый узконаправленный критический ум способен был бы не заметить ни одной из них. Не будет парадоксом, если пойти дальше и сказать, что эта

децентрализованная жизнь представляет собой собрание разнородных элементов и всегда готова сфокусироваться на отдельном имени, слове или на тех реальных предметах, которые стоят за этими словами и именами. Первое роханское название, которое мы слышим — это “Восточный Эмнет”, а вскоре за ним — “Западный Эмнет”. “Эмнет” — это некая реалья Средьземелья, но в то же время самое время это — норфолкский топоним и реконструированное слово *emneb*, означающее “степь”, “прерия” или “зеленая трава” — а именно на “зеленую траву” Всадники ссылаются как на наглядный, осязаемый признак реальности мира. Все, что писал Толкин, было основано на смешениях вроде этого — на “воосах”, “эмнетах” и “эоредах”, на словах типа “*elvish*”, “*orthanc*” или “*panache*”.

“*Magyk natureel*”

Подобно золотой рыбке в тинистом пруду, в большинстве толкиновских произведений проблематизирует тема родства человека и природы, имени и поименованного. Возможно, в это родство он верил больше всего на свете, едва ли не сильнее, чем в католическое учение (хотя, конечно, он надеялся, что на каком-то уровне эти две веры друг другу не противоречат). Именно эта вера заставила его писать. Он создал Средьземелье прежде, чем у него появился сюжет, который он мог бы туда поместить. При каждой задержке — или если иссякало “вдохновение” — он прибегал к помощи карт и пейзажа, к Бомбадилу и Заселью, Марке и энтам. Более того, через все его произведения красной нитью проходит неизменный и упрямый интерес к растениям и ландшафту — будь то трубочное зелье или трава *ателас*, корона из цветов каменоломки на голове поверженного короля в Итилиэн, посох из дерева *лебетрон*, обладающего свойством находиться и возвращаться к хозяину (подарок Сэму и Фродо от Фарамира), или остролист у границ Мории, обозначающий границу “Остролистной”, как Уффингтонская Белая Лошадь указывает на границу “Марки” — Мерсии; кроме того, повсюду в тексте рассыпаны лощины и урочища, Уэллингхоллы(52), дуплистые деревья, заросли папоротника или куманики, куда без помех могут заползти хоббиты. Как уже говорилось, цветы *симбэльминэ* служат для Всадников чем-то вроде национального символа, точно так же, как *мэллорн* для эльфов Галадриэли. Хоббиты почти неотделимы от Заселья, а Том Бомбадил неотделим от Ивьего Вьюна вообще. Фангорн — это одновременно имя персонажа и название леса, и, в качестве персонажа, Фангорн убедительнее кого бы то ни было “озвучивает” идею родственности имени, именователя и поименованной вещи. “На моем языке настоящее имя всегда рассказывает историю того, кто на него откликается”, — говорит Фангорн, однако непохоже, чтобы кто-либо кроме энтов способен был выучить “старозэнтский” язык. У Бомбадила принцип идентичности имени и названной этим именем вещи дает именователю некую волшебную силу. Хоббиты достигают почти того же самого достигается просто благодаря гармонии между ними и природой. В “Прологе” говорится, что хоббиты волшебством не занимаются, а если и возникает впечатление, что они не вовсе ему чужды, то это происходит потому, что они “тесно связаны с землей”. Земля (почва), волшебство и расы нелюдей тесно сочетаются между собой, хотя и в разных пропорциях. Голоса тех, кто объясняет нам это — а именно, голос Фангорна и голос рассказчика — звучат авторитетно и даже “профессорски”, особенно голос Фангорна. Они не допускают никаких возражений.

Можно даже сказать, что в некотором смысле персонажи-нелюди во “Властелине Колец” являются частью природы. Это звучит натяжкой, однако этот смысл глубоко внедрен в текст. Впервые мы видим Фангорна глазами хоббитов Пиппина и Мерри, и он поначалу кажется им “огромным сухим стволом, на котором осталось всего две ветви”. Немногим позже Гэндальф, рассказывая о схватке с Балрогом, спрашивает себя, — как должен был выглядеть их поединок

со стороны? Наверное, отвечает он сам себе, посторонний наблюдатель услышал бы только грохот грома и увидел бы только вспышки молний: “Найдись свидетель, он подумал бы, что в горах бушует буря, — вот и все” (т. II, с. 141). Что же касается эльфов, Элронда, Гэндальфа, — какими предстали бы они глазам смертного, простого прохожего? Ближе к концу книги Толкин отвечает на этот вопрос так: “Наверное, ему показалось бы, что на холме, затерянном среди всеми покинутых земель, маячат серые каменные статуи, оставшиеся здесь как память о давно забытом прошлом и неизвестно что обозначающие” (т. III, с. 361). В конце эльфы исчезают среди камней и теней.

“Исчезают среди камней” или “превращаются в камни”? Во “Властелине Колец” часто говорится о будущей судьбе эльфов, но никогда с полной определенностью. Некоторые из них хотят покинуть Средьземелье, другие желают остаться. По словам Галадриэли, те, что останутся, “умалются”: “Нам придется уйти на Запад — или превратиться в простой, невеликий народец, скрыться в пещеры и лощины, понемногу обо всем забыть — и быть забытыми” (т. I, с. 536). Слово “умалиться” можно понять чисто демографически: эльфов-де станет меньше. Но можно понять это слово и буквально, особенно если заглянуть вперед, в мир “крошечных” шекспировских эльфов. Не исключено и “нравственное умаление” — вспоминаются холодные, жестокие, бездушные эльфы шотландских и датских легенд. Возможно, для тех эльфов, которые остаются, и правда самая лучшая участь — это превратиться в деталь пейзажа. Одна местная английская легенда рассказывает именно о таком превращении. Она связана с известными Роллрайтскими Камнями, которые находятся на севере Оксфордшира и мельком упоминаются в “Фермере Джайлсе из Хэма”. Легенда рассказывает (53), что некогда эти камни были старым королем и его рыцарями. Королевский отряд повстречал на своем пути старую ведьму, которая подбила короля на пари — он должен был сойти на семь шагов вниз по склону холма и окинуть взглядом равнину внизу. Но король не смог этого сделать, — ему помешал курган, насыпанный на склоне этого холма, и сбылось ведьмино заклятие:

“Крона, гниль, и камень, стой!
Трон останется пустой:
Вы камнями стать должны,
Я — кусточком бузины”.

Таинственные камни стоят на этом месте и по сейчас. Согласно традиции, их невозможно пересчитать (54). Жестоко желать кому-либо, чтобы он обратился в камень, но такое превращение все-таки обеспечивает хоть какое-то существование, какое-то единство с землей, откуда ты родом...

Трудно понять “этих эльфов”, говорит Сэм об эльфах и Лотлориэне: “Они с этим местомрослись ... то ли здешний лес тому виной, то ли ... это они его таким сделали, сразу и не скажешь” (т. I, с. 530). А наблюдения Сэма подчас довольно глубоки, хотя его образованность и заставляет желать лучшего. То, что он говорит далее, нетрудно отнести не только к Лотлориэну, но и ко всему “Властелину Колец”: “Можно подумать, что здесь ничего не происходит, да так оно, в сущности, и есть. И никто не хочет, чтобы что-нибудь происходило. Если это по волшебству, то волшебство это так запрятано, что не докопаешься, если Вы меня понимаете”. Фродо соглашается, но, как и во многих других случаях, дополняет: “Но оно везде и во всем”.

Притчания к зп. 4

(1) В "Хоббите" имен и названий на удивление мало. Это, конечно, в первую очередь имена двенадцати гномов, позаимствованные из эддической песни "Двергатал"

Список карликов ("цвергов"), приводимый в поэме "Пророчество вельвы" из "Старшей Эдды". Вот этот список в переводе А. Корсуна:

“Мотсогнир старший
из племени карликов
называн тогда был,
а Дурин — вторым;
карлики много
из глины слепили
подобий людских,
как Дурин велел.

Нии и Ниди,
Нордри и Судри,
Аустри и Вестри,
Альтиов, Двалин,
Бивер и Бавер,
Бембур, Нори,
Ан и Анар,
Аи, Мьедвитнир,
Гандалв и Вейг,
Виндалв и Траин,
Текк и Торин,
Трор, Вит и Лит,
Нар и Нюрад...

...Фили и Кили,
Фундин, Нали...
...Фрар и Хорнборн,
Фрег и Лони,
Эйкинсьялди...

Еще надо карликов
Двалина войска
роду людскому
назвать до Ловара;
они появились
из камня земли...

...Это был Драугнир,
Хлеванг и Глои,
Дори и Ори... “ и т.д.

Эйкинскьялди означает “дубовый щит”. Толкин использует это имя, переведя его на английский язык (“Oakenshield”). Большинство имен из “Списка карликов” Толкин использовал в “Хоббите” и “Приложениях” к “Властелину Колец”.

(2) Имеется в виду магический жезл волшебника Просперо из пьесы Шекспира “Буря”.

(3) Джон Мильтон (1608-1674) — английский поэт, сын состоятельного юриста. Образование получил в Кембридже, затем посвятил себя литературной деятельности, начав как поэт-лирик. Философскую маску (т.е. костюмированную пьесу) “Комус” написал в 1634г, впервые поставлена она была в 1637г. В период английской буржуазной революции Мильтон надолго оставил литературу и посвятил себя политике и публицистике. После реставрации монархии ушел со сцены, вернулся к литературным трудам и именно в этот, последний период своей жизни, создал прославившие его поэмы на библейские сюжеты — “Потерянный Рай”, “Обретенный Рай”, “Самсон-борец”, где религиозное и этическое начала сочетаются со строгостью и одновременно новаторством формы.

(4) “Матушка Гусыня” — сборник английских детских стишков, нелепиц и считалочек, на котором воспитывается уже много поколений англичан. Многие стишки из него прекрасно известны в России, хотя целиком сборник переведен еще не был. В основном состоит из бессмысленных или просто смешных четверостиший, из которых некоторые обыгрывает Льюис Кэрролл в “Алисе в стране чудес” (например, стишок о Шалтае-Болтае).

(5) Локрин, Камбр и Альбанак — согласно легенде, рассказанной Готфридом Монмутским, сыновья Брута (см. прим.... к гл....). Локрин правил Англией, Камбер — Уэльсом, Альбанак — Шотландией. Отсюда якобы происходят старинные названия этих стран: Логрия, Камбрия, Альбания. Эти королевства были связаны друг с другом, и Британия осталась единой и после смерти этих правителей. На самом деле Логрия — валлийское названия Англии, Камбрия — производное от “Кюмри”, самоназвания валлийцев, а “Альбания” (“Белая”) происходит от “Альбион” — одного из названий Британских островов, данного, скорее всего, из-за белых меловых скал, тянущихся вдоль английских побережий.

(6) См. ниже прим.(53)

(7) Paul Kocher, в *Master of Middle-Earth*, p.161, замечает, что определение “ружья с раструбом” или “пугача”, которое в “Фермере Джайлсе” приписывается “Четырем Мудрым Клеркам из Оксенфорда”, является отсылкой к ОСА, причем Четыре Мудрых Клерка — это четыре издателя этого словаря: Дж.А.Х.Муррэй, Х.Брэдли, У.А.Крэйги и К.Т. Ониэнс. “Пугач” Джайлса, как и гномы Толкина, под определение ОСА не подходит. — Т.Ш.

(8) Когда мне впервые пришла в голову мысль об этом (см. мою статью “Creation from Philology in *The Lord of the Rings*”, в сборнике *Memoriam Essays*), я списал эту мысль со счета как “совершенно необоснованную”. Однако я продолжал думать на эту тему все больше и больше, что, возможно, было просто следствием *furor allegoricus*, “мании везде видеть аллегории”. Однако в то время я не осознавал, как хорошо “Фермер Джайлс” сочетается с другими аллегориями, написанными в 1935-43 гг. — Т.Ш.

(9) В переводе с латыни эти имена означают “веселый” и “счастливый”.

(10) Художница Паулина Бэйнс родилась в 1922 г. Первая “встреча” Толкина и Паулины Бэйнс произошла в 1948 г., когда Толкину показали несколько ее набросков по мотивам средневековых миниатюр. Вскоре с ее рисунками вышел в свет “Фермер Джайлс”. Толкину так нравились ее квазисредневековые шуточные иллюстрации, что он называл их как “параллельной темой” к своему тексту. Впоследствии Паулина Бэйнс иллюстрировала еще некоторые работы Толкина, в том числе “Приключения Тома Бомбадила”, “Кузнеца из Большого Вуттона” и отдельно изданную “Последнюю дорогу” (не вошедшее во “Властелина Колец” стихотворение Бильбо о дороге в Бессмертные Земли). Паулина Бэйнс иллюстрировала также “Хроники Нарнии” К.С.Льюиса (между 1951 и 1956).

(11) “Шайр” — в ориг. Shire, в нашей пер. “Заселье”, в других переводах Шир, Хоббитшир, Хоббитания — наименование страны хоббитов у Толкина, основанное на историческом названии английской административной единицы — “шайра”. Этот корень вошел позже в состав многих английских топонимов, обозначающих исторически сложившуюся область, например — Оксфордшир.

(12) Об этом говорит и Паула Мармор в своей статье “Этимологические экскурсы в среде засельчан”, в кн. *An Introduction to Elvish*, ed. Jim Allan (“Введение в эльфийский” Джима Аллана) (Hayes: Dran’s Head books, 1978), pp.181-4. — Т.Ш..

(13) Сражение при Седжмуре произошло 16 июля 1685 г. В этом сражении войска мятежного Джеймса Скотта, герцога Монмутского, были разгромлены армией короля Якова II.

(14) Слово “шериф” (англ. sheriff) действительно происходит от слова “shire” — “шайр” (см. выше прим. 11). Изменив корневой гласный, Толкин возвращает слову sheriff его изначальное значение — “тот, кто отвечает за порядок в шайре”

(15) ОВС, с.435

(16) В “Мерзейшей Мощи” К.С.Льюиса опять имеется близкая параллель. Здесь вводится идея языка, значения которого “соединены со звуками не случайно, и даже не по древней традиции, но сочетаются с ними воедино, как сочетается образ солнца с каплей воды” (“ММ”, с.489). Позже оказывается, что этот язык древнее даже того, на котором говорили в “Нуминоре” (согласно написанию Льюиса).— Т.Ш. (У Толкина Нуменор — погибшая прародина королей. Льюис слышал это название, когда Толкин читал вслух “Властелина Колец”, и заимствовал его (ошибившись в написании) для наименования далекой прародины живых существ в своей “Космической трилогии”. — М.К.

(17) “Грехопадение” — часть поэмы “Книга Бытия”, входящей в так называемый “Кодекс Юниуса”. Остальная часть этой поэмы просто пересказывает библейский текст. Согласно предположениям, эта часть была просто вставлена в основную поэму. Поэтому этот отрывок часто называют “Бытие Б”, чтобы подчеркнуть его отличие от текста, в который он включен. По всей видимости, оригинал этого текста восходит к VIII веку. С богословской точки зрения, в тексте видна тенденция сделать библейское предание доступным для “аудитории”, то есть,

германцев восьмого века. Многие традиционные темы трактуются в поэме очень свободно и оригинально.

Поэма во многом текстуально похожа на “Потерянный рай” Мильтона, отчего возникла гипотеза, что она послужила Мильтону источником.

Комментарии:

¹ В нашем переводе утрачено парадоксальное сочетание “*In this far land*”, — “в этой далекой стране” — М.К.

² Несмотря на всю древность этой теории, Толкину она, по-видимому, представлялась очень актуальной, равно как и другим Инклингам. В наиболее “толкиновской” книге К.С.Льюиса — “*Мерзейшая мощь*” (1945г.) — герой, Марк Стаддок, несмотря на все свои недостатки, в конце гл.15, раздел 3(31), доходит до этой теории своим умом. В книге представлено также несколько речей в чисто сарумановском стиле — Т.Ш.(32)

³ Просторечное выражение, означающее “упорная насговорчивость”. — М.К.

⁴ В пер. В.Тихомирова эта фраза входит в следующую строфу:

“Часто кричали мы
 За чашей меда,
 клялись-хвалялись
 в тех застольях
 стойкостью ратной —
 пускай же каждый
 покажет свою отвагу...” (36)

⁵ “Художественное полотно”(франц.). — М.К.

⁶ Однако мало кто обратил внимание на то, что имена эти принадлежат не “стандартному” или “классическому” западносаксонскому диалекту древнеанглийского языка, а тому, на котором, как полагают ученые, говорили в древней Мерсии. То же самое относится к именам Саруман, Хасуфэл, Херугрим: на “стандартном” диалекте они звучали бы как Сеаруман, Хеасуфэл, Хеоругрим. Ср. также *Mearc* и *Marc* (“Меарк” и “Марк”). В одном из своих писем (П., с.65) Толкин пригрозил однажды полностью перейти на “древнемерсийский”. — Т.Ш.

⁷ В русском переводе входит в состав строфы: “...под небом не было/ знатней хоромины/
 чем та, озарявшая/окрестные земли...”. — М.К.

⁸ К.У.Фреарсон, помощник директора Британского музея гвардейской кавалерии, сообщил мне, что привычный сегодня для англичан плюмаж из конских хвостов на шлемах телохранителей королевы — нововведение принца Альберта, сделанное им в 1842г. Принц скопировал прусскую деталь военной формы, а пруссы, в свою очередь, заимствовали плюмаж у русских. — Т.Ш.

Старая Ыва